

Андрей Мансуров

---

*Запрещенная
фантастика
— 2*

Социальная фантастика

Андрей Мансуров

**Запрещенная фантастика
—2. Социальная фантастика**

«Издательские решения»

Мансуров А. А.

Запрещенная фантастика—2. Социальная фантастика /
А. А. Мансуров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749527-5

Эта книга — продолжение первой. Меня как автора соображения дешевой или ложной политкорректности или ханжеского замалчивания отдельных аспектов интимной жизни не сдерживают. Поэтому я и публикую ее. Повесть, открывающая сборник, основана на допущении, что нанотехнологии будущего позволят состоятельным членам общества делать операции по омоложению и сохранению от старения некоторых органов и частей тела, и является приквелом моей повести «Доступная женщина» (премия «Полдня» за 2015 г.).

ISBN 978-5-44-749527-5

© Мансуров А. А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Расчётливая тварь	7
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Запрещенная фантастика—2

Социальная фантастика

Андрей Мансуров

© Андрей Мансуров, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Эта книга является продолжением первой, и причины, по которым произведения, включенные в нее, никогда не будут напечатаны «солидными» Издательствами, остались, собственно, теми же.

Но поскольку меня соображения дешевой или ложной политкорректности, или ханжеского замалчивания отдельных аспектов интимной жизни людей не сдерживают, я и публикую ее здесь. Потому что как гражданин не имею права оставаться в стороне, не объяснив, к чему могут, по моему мнению, в будущем привести факты или события, легишие в основу этих произведений.

Повесть, открывающая сборник, основана на допущении, что нанотехнологии недалекого будущего позволят состоятельным членам общества делать операции по омоложению, и предохранению от возрастных изменений некоторых органов и частей тела. В какой-то степени она может рассматриваться как приквел моей повести «Доступная женщина», позволившей мне стать Лауреатом премии «Полдня 21 века» за 2015 г.

Роман был написан после освещения в СМИ произвола персонала, царившего в одном из Детских домов.

Рассказ был написан после оглашения в СМИ некоторых фактов из детства Лидера Грузии, и в свете недавних событий, приведших к смене власти на Украине.

Расчётливая тварь

Повесть

Все имена, названия и события вымышлены. Любые совпадения являются случайными.

*«Если бы я был такой как все,
Мне от тебя нужен был бы только
Секс!»*

(из песни)

– НЕ-Е-ЕТ!!! НИКОГДА я не вернусь! – он хлопнул дверью так, что задрожали стёкла в чёртовых стеклопакетах.

Перекошенное от ярости побелевшее лицо его «партнёрши» по скандалу осталось там – за толстой стальной перегородкой. Вместе с нацеленными ему в лицо ногтями, кроваво-красными от лака – вовремя успел отдёргнуться! Иначе... Пришлось бы опять накладывать швы. Как неделю назад. Только уже – на лицо! Ещё не зажившие шрамы на рёбрах не давали о себе забыть – особенно, когда делал резкие движения, или бежал – вот как сейчас! Плюнув на вечно занятый лифт – бегом, прыгая через три ступеньки!

Однако унижение не окончилось: когда он, сжимая кулаки, выбежал из подъезда, рядом с ним на тротуаре словно взорвалось, смачно бумкнув, и оставив огромное мокрое пятно – банка с водой! Марина «прояснила» ситуацию, словно он недопонял:

– На, пей свою кипячёную воду!!! – то, что при желании она может визжать похлеще сирены скорой помощи, он узнал в первый же скандал...

Он даже не поднял глаза на окно четвёртого этажа элитного шестнадцатиэтажного дома – знал, что сейчас к окнам фасада прильнут, или просто повысунутся все соседи: с первого по самый верхний. (Потому что в колодце между домами визг и ругательства слышно отлично – куда там древне-римским грекам с их «акустикой амфитеатров»!) Повысунутся, чтобы в очередной раз полюбоваться на унижение очередного хахала признанной примадонны их дома.

Да, он специально (хотя устроил всё так, будто знакомство произошло случайно: попросил у мужика литровую баклашку бензина!) познакомился с почти ровесником – серьёзным на вид мужиком лет сорока, хозяином «Тойоты-пэрис» – чтоб примерно понимать, стоит ли продолжать знакомство, и что тут происходило до него. И как.

В смысле – как часто меняются такие, как он у...

Уж оно – происходило!.. И – менялись!

Баран! Надо было в первую же неделю, получив то, что хотел, и даже больше, сруливать к такой-то матери!

Так нет же! Не смог порвать с этой, этой... Проклятая собака совесть говорила, что это уж слишком по-потребительски: заплатил, поэксплуатировал, и – адьос, бамбина!..

Нет, не адьос. Запала, запала в душу, зар-раза сексапильная. Да и для тела...

Тогда ему казалось, что ощущения от секса – поистине незабываемые. Нереальные.

Но ведь и правда: так и было! Ах, Марина! То, что ты проделывала в постели – до сих пор кажется волшебным сном... А то, что вне постели – кошмаром!

Чертыхаясь, и стараясь бежать быстрее, он завернул за детскую площадку – теперь идиотские нагромождения кубиков-монстров Лабиринта кричаще-кислотных расцветок скроют его от глаз соседей, и дадут понять и этой сучке, что он – вне досягаемости. Даже её пронзительного голоса.

За детской площадкой стояли штанги для просушки белья с тросами. Словно кто-то из жильцов ещё сушил бельё! Нет, уже лет сорок, как какие-то выстиранные дедовским методом вещи развешивают только две-три бабуся, чудом дожившие до ста и больше. И свято следующие вековым традициям: посидеть, охраняя (Правда, непонятно – от кого! Кражей шмоток даже заезжие гастробайтеры не занимаются!), на лавочке с соседками-ровесницами... Да обсудить тех соседей, кто не присутствует, и никогда не будет, на импровизированном «обсудилище». Например, таких, как его «ласточка».

Миновав реликты прошлого века, Олег завернул за автомобили, стоящие на площадке для парковки жильцов: пусть-ка и они отделяют его от его зазнобы-идиотки.

Дыхание почти успокоилось, и он прекратил кусать губы, сжимать кулаки, и материться про себя и вслух. Нет, то, что послужило причиной скандала на этот раз – точно не стоит выеденного яйца! Так что его взрывная шлепанашка никак не сможет убедить его, что и на этот раз – *он* виноват.

Потому что нежелание надеть тапочки ну никак нельзя назвать достойным поводом для скандала.

Впрочем, как и просьба сделать звук от показа мод потише. Или – констатация того, что суп-полуфабрикат из пакета – пересолен. Или желание улечься на диван в рабочих брюках. Или...

Причин, по которым его пассия всю последнюю неделю выходила из себя – не счесть. И ведь не объяснишь их так, как объясняли себе мужчины прошлого века: э-э, всё понятно – ПМС...

Потому как не бывает сейчас у женщин с Консумом – этого самого ПМС.

Зазвонил мобильник-планшет.

Нет, он не возьмёт трубку!.. Хотя... Мало шансов, но – вдруг *не* она?

Он достал невесомую коробочку: а, точно: это Макс.

– Да, Макс, слушаю.

– Привет, Олег. Ты чё там пыхтишь, как после стометровки?.. А-а, ещё бежишь... Понятненько. Может, тебе интересно – твоя коза повыкидывала из окна все твои майки, рубашку, трусики. И даже пакеты с чипсами и пельменями.

– Блин. И не лень же ей было.

– Да нет, ей – не лень. А что – ты разве сам не слышишь её воплей?

– К счастью, уже нет. – теперь, когда он завернул за пролёт арки, ведущей в проходной двор, и шёл вдоль другой шестнадцатизэтажки, крики, и правда, почти не было слышно, – Я уже за углом. А что? Там есть признаки полезной информации?

Они посмеялись. Затем Макс прояснил:

– Полезного – ничего. Пожелания тебе и твоим ближайшим родственникам, как и все ругательства из так называемого «словарного запаса» твоего солнышка, уже использованы. Сейчас она пошла по второму кругу. Поэтому наши уже закрывают окна – скучно.

– Понятно. Ну ладно – спасибо, что звякнул. Я поехал к себе.

– Не вернёшься?

– Сегодня – вряд ли. Поцапались как-то... Даже сильнее обычного. Я сказал, что вообще теперь не вернусь.

– Хе-хе... Ладно – как знаешь. Просто...

– Да?

– Если пару дней не появишься – уже не появляйся. Сам знаешь, что будет.

– Точно. Знаю. Ладно, посмотрим. Ну, чао!

– Чао!

Олег подумал, что и правда – знает. Что будет через два дня, если он действительно стиснет зубы, упрётся рогом и соберёт волю в железный кулак. Не станет брать трубку, и не приедет мириться. С очередным недешёвым подарком.

На третий день его зазноба отправится на «охоту» к какому-нибудь ближайшему Гипермаркету, и на стоянке, у роскошных джипов, или кабриолетов, «зацепит» себе очередного. Идиота. Сексуального раба. Удовлетворителя. Спонсора.

Богатого Трахателя – проще говоря!

А ещё бы ей – и не «зацепить»!

«Товарный вид» у Марины – обалдеть!

Роскошные натуральные волосы. Пышные, соломенно-жёлтые, с чуть медовым оттенком. Талия, всегда подчёркиваемая платьями соответствующего покроя, или юбками с корсетом или пояском – сорок семь сантиметров. (Вначале – не поверил, конечно, на слово. Измерил сантиметром!..) И это – при объёме бёдер в девяносто пять. Пропорция поистине убийственная для мужского воображения. Грудь...

Грудь – как раз своя. Без имплантов или подкачек. Второй номер. Но уж какой!..

О!..

И, скажем честно: на ощупь то, что виделось, даже превосходило то, что можно было ожидать, полапав вдоволь десяток «подкачанных» или имплантированных идиоток, с которыми имел дело до Марины.

Охранник в будке отсалютовал рукой. Олег сдержанно кивнул.

Достал брелок, ткнул кнопку. «Порш-кайен» лиловой расцветки, небрежно припаркованный на дороженном месте стоянки для элитных тачек, отозвался мелодичным пипиканьем, и моргнул фарами: типа – «привет, Хозяин!»

Хозяин, да. Уж здесь-то можно быть спокойным: знаешь, за что выложил свои кровные, и можешь рассчитывать, что любимец не выльет тебе на голову воду из-под сваренных собственноручно пельменей... Он уселся, откинулся в полулежачее положение:

– Привет, Порш.

– Здравствуйте, Хозяин!

– Будь добр, отвези меня домой.

– Слушаюсь, Хозяин! Вам – побыстрее, или – поэкономичней?

– Побыстрее. – сегодня он не был настроен разглядывать «красоты» достижений архитектурных изысков, и отлично реставрированных достопримечательностей Столицы. Уныло-функциональный чёрно-серый транспортный тоннель на глубине ста пятидесяти метров, с его бетонно-гудроновыми стенами, Олега вполне устраивал.

Автомат на выезде звенькнул, когда он всунул в щель кредитку, и набрал требуемую сумму. Толстый шлагбаум поднялся. Порш двинулся дальше, уже не останавливаясь до въезда в систему экспресс-проезда. Здесь пришлось повторить манипуляции с кредиткой. Лифт опустил его вниз буквально за секунды. Порш въехал в тоннель.

Чёрт! Поездки туда-сюда по лабиринту восьмого транспортного кольца уже начинали приедаться... Поэтому – ...рен с ними – деньгами! Зато уж быстро!

Дома пришлось подниматься из подземной стоянки почти минуту – уж больно застроены верхние подземные Уровни под престижным Арбатом, чтоб выше ста семидесяти метров оставалось пустое пространство. Район в центре не слишком, конечно, удобен именно в качестве жилого, но... Престиж-с!..

Ничего – он потеряет и драконовские налоги на элитное жильё, и чудовищную квартплату за коммунальные услуги: его положение обязывает соответствовать Статусу.

На лестничной площадке встретил соседа по пролёту – дядю Петю.

– Здравствуйте, Пётр Савельевич.

– Здравствуйте, Олег Анатольевич. Что-то давно вас не видно. Закрутили, небось, очередной «Настоящий Роман»?

Они сдержано посмеялись, пожимая друг другу руки. Олег откинул чёлку со лба:

– Точно. Прямо как в воду глядите. Как догадались?

– Ха! Поживёте в этом доме с моё, станете тоже – заправским психологом-любителем. Тут – только состоятельнейшие «граждане». Соответственно – Статус надо поддерживать. А поскольку жены у вас, Олег Анатольевич, нет, и уже вряд ли будет, (Смолоду надо заниматься налаживанием «длительных матримониальных связей»!) нетрудно предположить, что вы в одиночку коротать вечера дома не станете. Предпочтёте посещать рестораны, или аквапарк, или визиотеку – с партнёршей. Убойно выглядящей. И в меру «порядочной». Соответствующей вашему рангу и общественному положению.

Ну, то есть такой, которая перед тем, как раздвинуть ноги, немного всё же покобенится. Чтоб вам было поинтересней: крепости же нужно – брать...

С подарками и сложностями осады!

– Блин. Ваша правда, Пётр Савельевич. Особенно – насчёт частичной порядочности. И осады с подарками. Однако...

– Однако похоже, что горький осадок от очередной порции бурных страстей-разборок уже перевешивает позывы элементарной похоти! Впрочем, – явно заметив, что стрела попала в цель по опустившимся уголкам губ собеседника, мужчина поторопился поправиться, – это – как всегда, шутка. А ваши реальные взаимоотношения – не моё дело. Извините, если, так сказать, слишком грубо «вторгся в ваше личное пространство.»

Что касается прагматичности и здорового цинизма, то равных семидесятилетнему пенсионеру с хваткой и наблюдательностью бывалого шпиона, Олег практически не знал. С другой стороны, глупые или бедные здесь не селятся.

Олег иногда думал, что за те два года, что он здесь живёт, многие соседи без проблем могли составить о нём объективно недвусмысленное мнение. А верно: он не стеснялся роскошных с-сучек привозить иногда и домой. Правда, в последний год предпочитал делать то, что делал с ними – на ничейной территории. Благо, мотелей, гостиниц и частных квартир таким парочкам найти нетрудно.

На то и интернет-услуги через «Гузвито». А в случае проблем с партнёршей – очень даже просто заказать доступную и некапризную красотку прямо из того же «Дузеев и Забытов сервис». Почти официальный элитный бордель, организованный на базе небезызвестной телепередачи «Давайте выйдем замуж».

Замуж сейчас так, разумеется, не выйти... А вот подзаработать – запросто!

Потому что спрос-то – есть всегда...

С другой стороны, Олег не скрывал и перед коллегами по работе, что предпочитает действовать в соответствии с лозунгом: «Трахай всё, что можешь оплатить, пока стоит, и не позволяй сесть себе на шею». Вот только...

Теперь ему было неловко делать всё это дома. При Бое.

– Ничего, Пётр Савельевич. От кого же, как не от уважаемых соседей, про себя, развратника избалованного, можно правду-то услышать?

– Верно, верно. – они снова сдержано посмеялись, – Ну, бывай. Мне пора на прогулку. А то моя-то будет потом проверять по шагомеру – как я уходил. От инфаркта-то.

– До свиданья, Пётр Савельевич, будьте здоровы.

– А, спасибо-спасибо... И тебе – всех благ.

Олег подумал, что сосед в последнее время и правда – несколько сдал. Или...

Или он давно не встречал его? А ведь верно: мужчина может наблюдать в окно, как Олег выходит утром на улицу, чтоб поймать такси, или двинуть куда-нибудь пешком, а вот Олег

соседа видит только поздно вечером, и очень редко: когда тот выходит на рекомендованную элитными медиками «ежедневную часовую прогулку».

Да, гулять по Москве сейчас приятно. Воздух – почти чистый, так как все автомобили переведены на водород и газ, промпредприятия отодвинуты за пределы двухсоткилометрового кольца, а ТЭЦ работает на плутонии. Да и не ездит ночью почти никто – пешеходных зон для таких, как его сосед, здесь, в Центре, больше, чем шоссе.

Так что проводив Петра Савельича взглядом и бодрым кивком, он повернулся к своей двери.

С замиранием сердца всунул ключ в скважину. Провернул два раза. Воткнул глаз в окошечко сканнера. Голубой луч прошёлся по зрачку.

Дверь, щёлкнув, открылась.

Он вошёл в прихожую, автоматически загорелся мягкий рассеянный свет.

Из дальнего угла квартиры донеслось радостное тьяканье. Коготки заскребли по полу. Олег присел на корточки...

И вот уже ему в лицо тычется светящаяся неподдельным счастьем щенячья мордочка! Бой.

Единственное в мире существо, про которого он может смело сказать, что оно любит его самого. А не его деньги. Но...

Но теперь он так ругает себя, что сделал щенку общий Консум. Да ещё и зафиксировал навсегда.

Теперь Бой никогда не вырастет во взрослую ездовую собаку – аляскинского маламута, что ростом мог бы достигать ему до половины бедра, и в прыжке запросто мог бы сбивать с ног!.. Но с другой стороны...

Тогда пришлось бы искать ему суку – для случки. И потом тоже – регулярно...

Олег понимал, конечно, что не только сложности содержания взрослой собаки заставили его тогда сделать эту операцию щенку. А и банальная ревность.

Он только с болью в душе мог представить, что это чудо, этот ласковый и игривый пушистый хулиган – будет принадлежать ещё кому-то... Думать о ней.

Инстинкт размножения. Продления рода.

Ах, дедушка Фрейд. Ах, дедушка Дарвин...

Пройдя на кухню, он первым делом ополовинил стеклянную литровую банку с кипячёной водой. Вначале, когда это порекомендовал лечащий врач, Олег считал эту самую воду «комнатной температуры» полной чушью. Но через пару недель, убедившись, что давление действительно отпустило, и моча идёт нормальная, а не ярко-жёлтая, врубился, что действительно, – нужно пить больше жидкости. Без красителей и консервантов, которые современные производители нагло маскируют слоганом «натуральные соки»...

Отключив автораздатчик пищи и воды, Олег вскрыл упаковку с «Самой сбалансированной и натуральной пищей для собак».

Бой всё это время восторженно смотрел, задрав голову, и умильно повиливая щенячьим крохотным хвостиком с неплохой метёлкой на конце. От этого взгляда Олегу в первые месяцы даже становилось немного стыдно, и холодная рука сжимала сердце – ну вот никто ещё никогда *так* не любил его... Любил его ради него самого – друга, напарника, *хозяина*, а не ради той сладкой жизни, что могут предоставить его деньги...

Может, поэтому он ещё ни разу и не оформлял официального брака.

– ... тогда какие могут быть претензии к нашей фирме?

– Извините, Олег Анатольевич. Претензии – не к нашей *фирме*. Претензии – к вам лично. Поскольку это вы посоветовали спрятать сэйвер где-нибудь повыше. Так что теперь их директор считает, что именно эта «подсказка» и побудила их разместить устройство на крыше, в вен-

тиляционном люке. Где его спустя всего полтора часа обыска и нашла чёртова модифицированная ищайка.

– Хм-м... Ну, с этим тогда понятно. Пусть подадут на меня в суд (Ха-ха!).

Олег не сомневался, что разозлённый заказчик так и сделал бы, если б имел неопровержимые доказательства: аудиозапись их разговора, или письменные документы, но...

Вот именно: пусть чёртовы глушилки в его кабинете и жутко вредны для здоровья со своим чёртовым интерференционно-нейтрализующим излучением, но он предпочитал включать их всегда – и на время приватно-доверительных разговоров с клиентами, и на время рабочих совещаний. Спасает. От возможной отсидки. И происков промшпионажа со стороны конкурентов... Поэтому он смело продолжил:

– И напомните им заодно, что в договоре, который мы подписали, чётко обозначено: за выбор и маскировку места размещения устройства отвечает Заказчик! Так что нечего валить на меня ответственность за то, что не потрудились как следует зацементировать. Небось, и в пакеты не затолкали?

– Нет, в пакеты затолкали. Даже, как вы порекомендовали, всыпали туда пачку кофе. Хорошего. В зёрнах. Однако, мне думается, ищайки как раз теперь и ищут именно кофе – поскольку все хорошо знают про его свойства. Перебивать даже запах наркоты.

– Чёрт возьми... Ладно, будем считать, что насчёт кофе – и правда, наша недоработка. Придётся изъять этот подпункт из методички. Василий Павлович, позаботьтесь.

Пятидесятилетний мужчина в строгом консервативном костюме неторопливо кивнул. А хороший у них эксперт по юридическому праву: даром, что состоит на работе ещё в трёх фирмах, и консультирует пять банков. Может, именно благодаря его опыту и грамотным рекомендациям – что давать в договоре, а что – в методическом руководстве по эксплуатации устройства, их фирма ещё и существует. А не обанкротилась из-за проигранных судебных дел...

– Борис Анисимович. Что там у нас ещё?

– Ещё претензии по программному обеспечению. От Ивановского филиала завода мебели «Экея». Пишут, что их бухгалтерия опять не может рассчитать *вторую* зарплату.

– Ах вот как... – он побарабанил пальцами по столешнице, – ладно. Ивановцы платят исправно. С другой стороны, компетентность их бухгалтеров – дело *их* руководства.

– Разумеется, Олег Анатольевич. Однако они просят...

– Да, я знаю, чего они просят. Небось, опять Сергея Дмитриевича хотят?

– Да, Олег Анатольевич.

– Ладно, не возражаю. Пусть едет. Уж больно он, похоже, благоприятное впечатление произвёл на Главбуха. Вернее – главбухшу... Пусть Тамара оформит ему командировочные. И если он снова двинет на своей «Киа», пусть выпишет ему на бензин. Всё?

– Да, Олег Анатольевич. На сегодня всё.

– Отлично. Благодарю. Все свободны. – он встал, и вежливо стоял, пока за последним из начальников подразделений не закрылась дверь кабинета.

После чего снова сел и выключил глушилки кнопкой под столом. Достал платок. Протёр лицо и шею. Чёртова фирма «Каста Дива» в третий раз за этот месяц заставила его попотеть. Хотя производство и поставка таких устройств, как их сэйвер и являлась законной, и Государство даже не требовало оснащать его встроенным маячком для гарантированного определения местоположения, Олег-то отлично понимал: Государство не обманешь. Потому что оно дерёт налоги и с их завода, и налоги и штрафы – с тех придурков, кого поймали-таки на двойной бухгалтерии...

А как в теперешних условиях выжить без неё – двойной-то?!

Если платить местным, с пропиской, столько, сколько положено по закону об поддержке «отечественного» пролетариата, ни одна фирма дольше года не продержится. А если нанимать

гастробайтеров, и платить столько, сколько оговорено в законе о взаиморасчётах с «гражданами других стран», только-только концы сведёшь.

Вот и получается: все, или почти все частные предприятия Москвы и области используют дешёвый труд наёмных рабочих из бывших союзных республик. Платя им сущие гроши, которые те чуть ли не со слезами благодарности готовы получать (у них дома и этого нет!!!). И вести двойную бухгалтерию: словно те получают так, как требует Закон.

Олег откинулся на спинку, и сцепил руки за шеей. Чёртова «Каста Дива» не шла из головы.

Ну не идиот ли их Босс?! Русским языком ему объяснили: собаки сейчас – сверхчувствительны! Благодаря всё тому же Консуму! Уж увеличить у штата служебных собак количество обонятельных рецепторов, которых и так вдесятеро больше, чем у самого чувствительного эксперта по запахам, судебная медицина не забыла! Так что – бетонировать надо было, а не известью, а затем дохленьким низкосортным цементом замазывать!

Небось, для этой работёнки нанял всё тех же гастробайтеров, и за процессом не проследил! Вот те и сделали абы как – только чтоб хапнуть деньги и слинять на следующую работу! Рынок неквалифицированного труда в Столице – на несколько сот тысяч вакансий!

Только вот не рвутся на эти «дешёвенькие» вакансии местные-то. Москвичи. Считающие ниже своего достоинства работать на месте, дающем меньше трёх тысяч в месяц.

Ладно, такие случаи в его практике тоже встречались: не смертельно. Директора «Касты» посадят, конечно. Вместе с кассиром и главбухом. Устройство придётся на суде опознать, как «продукцию, выпущенную его заводом».

И как всегда придётся заряжать, что он совершенно не в курсе, для каких целей использовался сэйвер за заводским номером... – он искоса бросил взгляд на докладную на столе, – двенадцать тысяч восемьсот тринадцать. «Что вы говорите?! Двойная бухгалтерия?! Не может быть! Наш завод производит только устройства внешней памяти для расширения производственных возможностей стационарных компьютеров – так и написано у них в Сертификате. А уж какие-такие функции потом предусматривает клиент для приобретённой продукции – его личное дело. И завода „Сэйверы Мошкова“ не касается»!..

Олег, прищурившись, покосился в сторону седовласого и жутко серьёзно глядящего с портрета на стене мужчины. Вот уж спасибо вам, Семён Абрамович! Особенно за то, что срок действия частного Патента продлили на пятьдесят лет. Ещё, стало быть, лет двадцать пять о хлебушке насущном беспокоиться не надо. Потому что устройства для мгновенного перекачивания памяти из главбуховского компа в запасной, находящийся вне территории ОАО, или частной Фирмы – бухгалтерии этого самого ОАО, или Фирмы, да даже – и Госпредприятий, нужны будут всегда. Так же как и стиратели, за доли секунды удаляющие после этого всю инфу с основных носителей улики в бухгалтерии: компа расчетчицы, кассира и, ес-сно, того самого главбуха...

Потому что всегда, даже когда самый *расторопный* ОМОН врывается в офис, есть возможность ткнуть пальцем в неприметную кнопочку под столом... И обезопасить себя от отсидки, сохранив в то же время, сведения о *Деньгах!*

Во внутреннюю дверь осторожно постучали.

– Да, Марья Михайловна, прошу вас.

– Добрый день ещё раз, Олег Анатольевич.

– Добрый день. Что там у нас намечено на... – он кинул взгляд на стоящие в углу, и грозящие проломить своей монументальной консервативностью пол (положение обязывает!) напольные часы «Мозерь», производства фирмы, уже сто двадцать лет как благополучно почившей в бозе, всё из-за того же семнадцатого года, – четырнадцать тридцать?

– На четырнадцать тридцать у вас, Олег Анатольевич, кастинг. На должность новой секретарши-референта. – Олег знал, конечно, что пятидесятилетняя женщина не одобряет его...

Хм-м... Специфических требований к кандидаткам, меняющимся чуть ли не каждые два-три месяца, но внешне та никак этого не проявляла. А если б и проявляла – Олег бы не возражал. За эти двенадцать лет, пока он из мальчика на побегушках и инженера в разъездах превратился в Генерального директора, более незаменимого специалиста, чем серьёзная и всегда подтянутая сухопарая женщина, не знал.

И настоящая секретарь-референт – именно она. Поэтому так и прикалывает: «секретарша-референт». Да, ему нужна именно – *секретарша*. То есть – особа ярко выраженного женского пола. И не столько для работы, сколько...

Для снятия стресса от этой самой работы.

– Наши требования... Вы объяснили?

– Да, Олег Анатольевич.

– И... Сколько кандидаток ушло?

– Три, Олег Анатольевич.

– Чёрт, – он снова побарабанил подушечками пальцев по полированной столешнице из настоящего дуба, – Включите мне изображение. Из обеих углов.

– Уже сделано, Олег Анатольевич. Просто выдвиньте монитор.

На мониторах, возникших над поверхностью стола, появилась приёмная с двух точек. Девять женщин. Напряжённо хмуриющихся, и прикрыто (а иногда – и не прикрыто) злобно поглядывающих друг на друга. Всё верно: конкурентки!

А вон та, в углу, пожалуй... Ничего.

– Мария Михайловна. Начнём, пожалуй вон с той. А если что – то продолжит пусть вот эта. – он не стеснялся тыкнуть пальцем прямо в проекционный экран дисплея, – И, пожалуй, вот эта. Вам ясно?

Да, Олег Анатольевич. Остальных... распустить?

– Нет. Пусть пока ещё... подождут.

Он хотел было сказать «помаринуются», но передумал. Мария Михайловна – тоже, всё-таки, женщина. И ему не хотелось, чтоб она думала, что он совсем уж лютей женоненавистник. Презирающий представительниц «слабого пола» до самых глубин души. И использующий любую возможность, чтоб поунижать, или заставить нервничать, страдать...

Ну, или что он в очередной раз поцапался со своей очередной пассией, и вымещает свою злость на остальных представительницах... Пола.

Стук в дверь. Осторожный, вежливо-вопросительный.

– Войдите!

Она вошла:

– Здравствуйте, Олег Анатольевич.

Олег увидел, что её голубое, пожалуй, местами даже излишне сильно облегающее, платье, еле-еле прикрывающее трусики, весьма живописно смотрится на фоне кирпично-коричневой обивки первой двери тамбура. Но вот она прикрыла и вторую дверь. Изнутри. Хм-м. Рассмотрим-ка её получше – может, не стоит и пробовать дальше.

– Здравствуйте. Проходите, присаживайтесь. – он сдержанно указал ладонью.

Разглядывая слегка помятое лицо не первой свежести, он подумал, что ежедневно лицезреть такое – как-то не очень... Да и представить, что оно будет трудиться над его...

Не-ет, она ему точно не нравится. Значит, чао, солнышко. Увявшее солнышко.

– Вам объяснили специфику вашей будущей должности?

– Э-э... Да.

– И вы согласны на такие условия?

– Да. – чуть слышное, и от него не укрылась блеснувшая в уголке глаза искорка слезы, и чуть прикушенная изнутри губа.

Понятно. «Моральные устои». Вдолблённые или родителями (которых теперь, скорее всего, уже нет в живых, вот и приходится – искать любую работу!), или в школе, или... самостоятельно – из чёртовых «морализаторствующих» книг, или ретро-фильмов прошлого века. Типа «Война и мир», или «Джен Эйр», где пропагандируются «чистота нравов» и «тургеневские» девушки.

Жаль. Не то ты смотрела или читала, ласточка с идеалами о «чистом и светлом». Даже в «Москва слезам не верит» есть начатки того, что сейчас в ходу, и стало практически нормой: «Для Женщины в процессе поиска – все средства хороши». В смысле, поиска – хорошего спонсора. И кобеля. И хорошо бы, чтоб эти два качества были объединены в одном, как говорится, «флаконе».

– Очень хорошо, – сказал он вслух, хмуря брови, – Я рад, что у нас нет недопонимания. Оставьте резюме у секретаря, и ожидайте нашего звонка. Благодарю.

– С-спасибо. – сколько уже таких дежурных ответов она выслушивала?

Наверняка – много. Потому что уже знает, что они означают. Вон: как задёрнулись худенькие плечики, явно не от диеты, а от банальной голодухи – такие... Нищета. Поэтому наверняка и нет денег на то, чтоб хотя бы элементарно привести себя в порядок: то, что он сперва ошибочно принял за стройность, на самом деле – костлявость.

Поэтому – ещё раз: нет. Но...

– Обратитесь в бухгалтерию. Она – на втором этаже. Скажите, я распорядился выдать вам в качестве компенсации за потраченное время – однодневную зарплату.

Ну что, Олег? Теперь тебе спокойней? Утихомирил хоть частично эту поганую собаку – совесть?..

– Здравствуйте, Олег Анатольевич. – голос... Медоточивый. Многообещающий.

Следующая кандидатка и глядела совсем по-другому: с хитрецей, и чуть ли не – пошло. Он выудил из листков на столе её резюме: точно. Она уже работала «референтом» и «курьером». Ну, насчёт последнего-то – всё ясно. Просто надо же кем-то числиться...

– Здравствуйте. – присесть он ей не предложил. Вместо этого отъехал от стола на своём кресле, и развернулся чуть боком, – Вы в курсе... Специфики работы?

– Да.

– Вы согласны на испытательный срок?

– Да. Приступить? – заломленная бровь и небрежное откидывание пряди длинных ухоженных волос медово-рыжего цвета со лба. (Чёрт! Заранее она, что ли, где-то раскопала инфу о том, что он любит именно пышноволосых, и – именно – с рыжиной?!)

– Да.

Она неторопливо – видно, что знает себе цену! – прошла вокруг стола. Неторопливо же опустилась на колени: так, чтобы материя тоненького полупрозрачного платяца облегла... То, что нужно облегать.

Да, неплохо, чёрт его задери. Возбуждает, даже ещё не приступив... Особенно цепляет именно взгляд – кажется, что в нём сконцентрирована вся Похоть мира!..

Он чуть откинулся на кресле, предоставив её наманикюренным пальчикам с коротко остриженными ноготками поработать над его поясом и ширинкой. Руки положил на подлокотники.

Но когда она отработанными, но от этого не менее возбуждающими движениями начала «работу», не удержался: запустил напрягшиеся пальцы в копну пышных мягких волос. Стал чуть массировать ей кожу затылка...

Женщина замычала: и пусть он знает, что она просто подыгрывает ему – всё равно приятно!

Ещё до того, как он достиг пика, ему стало ясно: вакансия закрыта!

Не меняя позы, он ткнул в кнопку под столом. Мария Михайловна женщина умная и опытная: сама подберёт подходящие слова. Нечего им толпиться у него в приёмной...

Ближе к четырём, когда он уже выпил кофе, и справился с послеобеденной корреспонденцией, Марина позвонила снова.

Прикусив губы изнутри, он не ответил. И в полшестого, когда у него заканчивалась работа – не ответил. Пусть-ка эта с-сучка посидит сегодня одна. И ему спешить некуда (свою норму на сегодня получил!), и ей не повредит поголодать. В плане секса.

Дома Олег снова порадовался на Боя: надо же, такой маленький – почти умещается на двух ладонях! – а сколько неподдельного энтузиазма! Буквально – щенячий восторг!

Олег не слишком-то прислушивался к воплям протестующих придурков из всяких Комитетов, Обществ по защите прав животных, Гринписовцев и прочих идиотов, шагающих в маршах протеста через центральные улицы почти в каждые выходные. Пусть их себе выкрикивают, как бедным животным плохо, да какие на самом деле садисты и сволочи те, кто искусственно затормозил их организм в детском возрасте, не позволяя обрести черты взрослого, и даже выполнить «основную жизненную задачу» любого живого существа – передать потомкам свои гены. Он всегда мысленно добавлял: «и Чебурашки».

Не-ет, изобретатели Консума, конечно, сделали одиночкам вроде него – колоссальный подарок. Когда абсолютно точно знаешь, что ни на Семью, с извечной проблемой воспитания детей, ни на отдых, времени и сил физически нет, отдушиной для тоскующей по именно – настоящей любви и преданности, может стать только собака.

Да и как может быть по-другому?!

Ведь ни одно другое приручённое существо не может настолько прочувствовать настроение, и выразить сочувствие и любовь – пусть без слов, но всем телом, когда ластится, или заигрывает. Или – одним лишь взглядом...

Впрочем – он готов поспорить! – любой хозяин собаки, пусть даже и не обработанной Консумом, склонен к антропоморфизму: то есть, считает, что его любимец похож на человека куда больше, чем в действительности. Приписывает питомцу даже такие действия, которых нет в собачьем «арсенале» поведения: иронию, юмор, увлечённость каким-нибудь «хобби»...

Вон: у Боя хобби – бегать по квартире, вызывая автоматическое включение везде люстр и светильников. А через пять минут, когда реле автомата-терморезистора выключает свет, удивившись, что излучающего тепло тела человека в комнате нет – снова бегать: вызывая включение, разумеется, не теплом крошечного тела, а – движением... Хулиган маленький.

Из недр необъятного холодильника Олег снова извлёк пачку с самым лучшим и натуральным кормом, насыпал в миску с надписью «Бой». Себе достал пельмени.

Пельмени он брал на рынке, у натурализованных азиатов. Те и правда изготавливали столь трудоёмкий продукт вручную, по старинным проверенным рецептам. И качество старались поддерживать на должном уровне: понимали, что возьми клиент хоть раз продукт с недоложенным мясом, или жилами вместо ононого, во второй раз *к ним* – не придёт.

Пока пельмени варились, Олег смотрел в кухонный телевизор.

Правда, пощёлкать программами пришлось: он пролистал небрежно биржевые новости, прогноз погоды, дорожно-транспортную обстановку с Столице, тупые игры-викторины-конкурсы... Приготовление не дому эксклюзивной еды. (Ха-ха! Неужели кто-то ещё заморачивается?!). Не заинтересовала и программа о животных: сегодня показывали, как выводить глистов, клещей и блох. Ему всё это не актуально: у Боя ничего такого нет с гарантией, поскольку тот не выходит на улицу и не «общается» с другими животными, а смотреть на страсти-мордасти, с разными щетинистыми пастями и с «хелищеровым ротовым аппаратом», и ножками с коготками – не совсем «к столу».

Так что он оставил себе программу про путешествия – показывали как раз весьма живописные виды Норвегии. Сурово, конечно, но... Впечатляет. Монументальностью. Съездить, что ли в отпуск?..

Шутка, Олег. Никакого отпуска у тебя, любимого, не может быть в ближайшие лет пять: не на кого пока оставить производство.

С другой стороны, как только найдётся «на кого»: пиши – пропало!

Потому что более молодой и ретивый «зам.» всё сделает, чтобы скovyрнуть босса с тёпленького места, и занять его своим мускулистым амбициозным тощим задом. А поскольку плодить своих «подсживателей» Олег пока не планировал, приходилось тянуть лямку. И тянуть от души.

После планёрки, в десять, пришли начальник исследовательского отдела и начальник отдела перспективных разработок. Олег нажал кнопку глушилок, и щёлкнул рычажком старинного (чтоб не подслушали уж точно!) коммутатора:

– Мария Михайловна! Проследите, чтоб в ближайшие полчаса...

– Поняла, Олег Анатольевич.

Олег Анатольевич откинулся на кресле, и поощряющее улыбнулся – уже видел, что глаза его «Главного научного светила» пышут лихорадочным огнём: не иначе, придумали что-то из ряда вон:

– Прошу вас, Леонид Моисеевич. Вижу, времени даром ваши архаровцы не теряли.

– Совершенно верно, Олег Анатольевич, совершенно верно, – кругленький ухоженный мужичок неопределённого возраста даже поёрзал на стуле от энтузиазма, – Не теряли! Вот: не угодно ли взглянуть?

Перед взором Олега развернули немаленьких размеров лист ватмана. Ну правильно: пока проект не утверждён, его нельзя переводить в цифровую форму. И не потому, что тогда через всякие пиратские программы можно будет скачать его через блютуз или вайфай, или фармер (от этого-то у Олега и на всей территории предприятия стояли глушилки!), а просто – незачем тратить время, силы и материалы на изготовление образца, который ещё не «доведён до ума».

В чертежах Олег Анатольевич – он не стеснялся хотя бы себе в этом честно признаться! – разбирался не слишком хорошо. Так – на уровне школьной геометрии. Зато ему всегда помогали надписи, которые не забывал (а попробовал бы он!) подписывать старший чертёжник Василий Фомич Мельников – «блок питания», «антенна», «дублирующая матрица», «основная материнская плата», «резервная флэш-память»...

– Рассказывайте. – он с чертежом в руках встал, прошёл к пустому стулу рядом с учёным, положил ватман так, чтоб и ему и Леониду Моисеевичу было удобно. Сел, придвинул стул.

– С нашим большим удовольствием! – доктор технических наук, обладатель пяти патентов и восемнадцати авторских свидетельств потёр пухленькие чуть подрагивающие от возбуждения ручки с короткими, но настолько, как знал Олег, аккуратно работающими пальчиками, что и любой нейрохирург позавидовал бы.

– Вот, смотрите. Наш новый дистанционный стиратель. А вот – новый сэйвер. Без стирателя. (Ну, идея-то разьединить их – ваша. И вот – наконец!..) В-принципе, все основные части конструкции остались теми же, но подверглись серьёзной модификации. Мозги, пардон – процессор! – стоят теперь от Пентиума-карбона. Аккумулятор – от планшета Нокии. Проводка – медь, серебро. Контакты – золото. (Ну, так-то оно понадёжней! Хотя и подороже, есно...) Антенна – с улучшенной конфигурацией и чувствительностью. Само принимающее устройство – жрёт (простите – кушает) в полтора раза меньше энергии, а пропускная способность основного канала увеличена вдвое. То есть – теперь тот же объём можно закачать вдвое же быстрее.

Флэш-память – пять терабайт. Как раз достаточно для нашего программного обеспечения – ну, того, которое мы и продаём как приспособленное для ведения двойной... – Леонид Моисеевич не договорил, а Олег не переспросил – рекламировать частникам (а иногда – и госструктурам) преимущества двойной бухгалтерии не нужно: сами кумекают. Да ещё и лучше их! Так что он просто кивнул.

– Ну а это – так сказать, основное. То, ради чего, собственно, мы затевали весь сыр-бор. Стирающий блок. Практически такой же мощности, как те, что мы сейчас встраиваем в стационарные компы клиентов.

Хм-м... Интересно. Олег облизал губы:

– И какого он размера?

– Вот такого. – Леонид Моисеевич вынул из кармана добротного пиджака коробочку размером с пачку сигарет, – Это – уже действующая модель. Конечно, её все ещё легко обнаружить. Если она будет стоять в самом компе. Но...

– Ну, договаривайте уж. Вижу: придумали.

– Точно. – светило разулыбалось, словно получило на День Рождения новенькую «Ламборджини-галлардо», – Придумали. Стирающее устройство теперь беспроводное. С автономным блоком питания. Мощный передатчик позволяет разместить его теперь хоть в пяти метрах от нужного компа. Например, за гипсокартонной перегородкой соседней комнаты. Нужна только хорошая антенна – на приёмном устройстве этого самого компа.

Олег Откинулся на спинку.

О, да!.. Этого они и добивались. Недоказуемости.

Следы! Потому что блок-стиратель, вмонтированный в стационарный, сам никуда не уйдёт. А то, что его начинка самоуничтожится, не изменит факт его присутствия...

Потому что представителям судебно-криминалистического отдела Прокуратуры доказать на суде, что информация из основного флэшнакопителя компа клиента стёрта именно *этим* стирающим устройством – проблемы до сих пор не представляло. Потому как встраивали спецы фирмы Олега Анатольевича эти «стиратели» непосредственно в компы заказчика. Подключали – проводами. И начинка – пусть и западная, но – адаптирована к такой «противоправной деятельности», без сомнений – здесь. В России.

Хорошо хоть, этими переделками занимается не только их завод. А ещё три. Так что доказать, где именно выпущен стиратель, можно, конечно. Однако!

Доказать, что фирма Олега именно для этого стиратели плюс сэйвер и устанавливала, не удавалось ещё ни разу.

Правда, в первые годы Правоохранительные органы злобствовали: три раза насылали на них аудиторскую проверку. Четыре раза – ОМОН. И все помещения опломбировали, и экспертов присылали, и персонал допрашивали. Ага, щас! Не такой Олег идиот, что вести ту самую двойную бухгалтерию! И персонал у него – проинструктирован! Профессиональным адвокатом. И знает, что получит, если не разгласит. И что будет – если разгласит...

Пару раз заводу всё же приходилось закрываться, и открываться под новым названием (дорого!), или подавать в тот же суд. (хлопотно!)

И вот – пожалуйста. Беспроводной способ. Да, собственно, он-то и не сомневался, что со временем они смогут это сделать... И вот оно.

– В действии его, разумеется?..

– Разумеется!

– И... Как?

– Гарантию могу пока дать только на девяносто восемь процентов. Один раз из пятидесяти проб всё-таки отказало – мимо проходил человек, и перекрыл телом канал связи.

– Но в остальном?..

– В остальном устройство доведено, технологично, и хоть завтра может быть передано для поточного производства. Переналадка главной линии займёт не более трёх дней.

– Ага. Понятно. Три дня простоя – не проблема. Да и место будущего... Расположения. Хм-м. Можно ведь устанавливать в вентиляционных люках. – он глядел то на учёного, то на главного маркетолога, – Или – у потолка. Или – под полом. Э-э, неважно!

Важно то, что это – прорыв. Поздравляю вас лично, Леонид Моисеевич, и всё ваше подразделение. С получением премии в размере трёх окладов, и отпуском на неделю. Оплачиваемым предприятием. Значит, передавайте всю техническую документацию Владимиру Николаевичу, и можете считать проект законченным. Благодарю ещё раз. – он встал, пожал тёплую ладонь, и улыбнулся – так, как умел: широко, открыто. (сколько раз на это попадались и клиенты, и судебные исполнители, и следователи...), – И не задерживаю.

Когда учёный вышел, Олег вернулся на своё место. Главный маркетолог его фирмы, во время научной части не произнёсший ни слова, плотоядно ухмыльнулся – в ответ на такую же ухмылочку Олега. Громко выдохнув, Глава предприятия сказал:

– Наконец-то. Теперь не при... бутся!

– Точно, Олег. – никто, кроме однокашника, выросшего с Олегом в одном дворе, и окончившим школу на год раньше, не позволял себе говорить с ним на «ты». Да и сам однокашник не позволял – при посторонних. Только они знали – что, где, и как происходит на самом деле в их фирме. Особенно – с её финансами... – *Теперь* – не при... бутся. И – ничего не докажут.

– Ну, это – если нас никто не сдаст. Из клиентов.

– Да даже – если и сдаст. Одно дело – доказать, что стиратель всобачили наши ребята... Особенно, когда он остался на месте, в компе. Пусть даже с расплавленной в хлам начинкой...

И совсем другое – найти то, что сделали, скажем, строители. При ремонте здания.

– Верно. Продумал пути и способы?..

– А то!..

– Докладывай.

На сегодняшней звонок Марины пришлось ответить.

Секретарша, конечно, секретаршей, (Как её кстати, зовут?! Вот уж не удосужился... А-а, ладно: вон же в ящике стола ещё валяется её резюме.) но... Хочется, конечно, эксклюзива. Экстрима. Особенно, если этот «экстрим» такой заводной и артистический...

Нет, мозгами-то Олег отлично понимал, что актриса из его зазнобы – отличная. Потому что поверить, что она испытала «неземное блаженство», и что «таких множественных оргазмов ей ещё никто не дарил!», весьма и весьма трудно. Особенно учитывая количество перебывавших в уютной квартирке-будуаре до него «амантов». Хотя...

Конечно, с деньгами её папочки – вполне возможно что она в дополнение к обычной операции оплатила ещё одну. Специфическую. По вживлению ей в соответствующие «зоны» дополнительных рецепторов – благо, вырастить методами генной инженерии и вживить эти самые рецепторы даже в вагину – нетрудно.

Тогда неудивительно, что сексапильная зар-раза и правда – переживает «неземное блаженство». И не имитирует судороги экстаза, а испытывает их... (Для любого мужчины, не обделённого самолюбием, почти невозможно признаться самому себе – да, недоработал! Девушка – не удовлетворена...)

Напрягает только то, что точно такие же она наверняка испытывала до него.

И когда он наконец наберётся мужества послать её... Лесом... Будет испытывать. От любого другого.

Кобеля.

– Милый! Олежек! – боже, какой у неё юный, чистый и медоточивый голос. Прямо сирена! Где уж тут нам, Одиссеям, устоять... – Ты сегодня заедешь? А то мне так скучно, так

скучно! Я уж и все журналы пересмотрела, и ящик разбила, а ты всё трубку не берёшь!.. Занят, что ли, сильно?

То, что его коза всегда во время скандалов в первую очередь разбивает именно гигантский экран (а ещё бы! Он же висит так удобно! И – всегда под рукой!) Олега не напрягало.

Купить, раскатать и прикрепить зажимами ковроводобный экран – не проблема. Стоит такой – буквально гроши. Не то, что натуральные продукты... Но сейчас, услышав голос, от которого почему-то дрожь пробежала аж до кончиков пальцев ног, он решил, что всё-таки... Ещё не созрел для окончательного разрыва.

Да оно и правильно: дают – бери!

– Да, ласточка моя. Работы навалили – выше головы! Новые разработки – сама понимаешь: если будем стоять на месте – конкуренты слопают. Так что извини, что телефон не брал.

Они словно по молчаливо заключённому негласному соглашению, никогда не напоминали друг другу о произошедших накануне зубодробительных разборках. Олег не удивлялся: зачем его «зае» вспоминать старые обиды, когда она тут же выдумает новые?!

– Но сегодня-то ты приедешь?

– Обязательно, сердце моё. Часам к семи.

– О! Как здорово! Я сделаю новую причёску. Тебе понравится!

Причёска и в самом деле производила обалденное впечатление.

Рассматривая пышные волны и без имплантов густых волос, Олег невольно крепче стискивал зубы и сдерживал рвущиеся наружу, натягивая ткань штанов, страсти. (А в первые дни знакомства – и не сдерживал!) Тогда ему иногда достаточно было провести по этой копне ладонью, как он уже тащил зазнобу в микрокосм спальни – место, явно считаемое его «кисой» чем-то вроде святого алтаря для...

Его Величества Необузданного Секса!

Но сейчас он предпочёл ограничиться кивками, полными энтузиазма, и экзальтированными восторгами вслух:

– О! Ух ты! А повернись-ка спиной... Обалдеть! Супер! Вау!

– Ну, видишь?! Значит, не зря сидела под чёртовым колпаком два часа! Смотри теперь, поаккуратней – не помни!

То, что они без сомнения помнут и в хлам растреплют столь чудесно выглядящую причёску буквально через минуту после того, как упадут на роскошную трехспальную кровать, Олег не сомневался, но поспешил с преувеличенной серьёзностью покивать:

– Конечно-конечно! Я буду *очень* аккуратен!

Что это сверкнуло в огромных, и формой и размером действительно напоминающих олени, глаза? Недовольство? Тем, что он настолько привык к ней, что и правда – уже не полностью теряет голову в её объёмах? И сможет и правда – подумать о сохранности её причёски?!

Или – сомнение в том, что он по достоинству оценил масштабы её подготовки к встрече? Он поспешил поправить ситуацию:

– Божественно! Нет, правда: восторг! Это где тебе сделали?

– На Никитских. – она снова обернулась кругом, чтоб он снова «насладился» со всех сторон, – Тебе правда нравится?

– Да! Без всяких сомнений: это – лучшее, что тебе соорудили до сих пор на твоей прелестной головке! – он заметил, что она реагирует не на сами слова, (он бы мог поспорить, что она даже не всегда и слушает то, что он говорит! Впрочем, этим качеством отличалась не только Марина...) а на интонацию: достаточно ли в ней подлинного восхищения. И уж тут фальшь его прелестница чуяла за две версты!

Так что он уж расстарался, чтоб голос звучал так, чтоб «поверили»... Шутки в сторону: даже скачал с интернета книгу Станиславского об актёрском мастерстве! И серьёзно проработал: некоторые места – и по два раза!

Но вот эффект похоже, достигнут: он заметил призывный изгиб стройного тела, и чуть наклонённую головку: язык жестов, движений, и мимика куда выразительней того, что его зазноба выражает с помощью слов. Или фраз. Иногда Олегу казалось, что только благодаря папе она и смогла окончить школу. А все её «отличные» оценки – сплошная липа!

На эту мысль наводило и то, что словарный запас Марины лишь чуть-чуть превосходил то, что имелось у небезызвестной Элочки-людоедки. А круг интересующих тем – и того уже. Вот только...

Вот только не было у Элочки таких глубоких, чувственных и влажно блестящих фиолетовых глазищ на поллица!

Да, если где и поработал чёртов Консум, так это здесь: на лице.

Никакие средства ревитализации, ботулинотерапии, или препараты объемной пластики не сравнятся по эффективности и длительности действия с проклятым Консумом.

И никогда ни один пластический хирург не смог бы, конечно, придать этому правильному овалу все черты, присущие только девчужке, девушке-подростку, богине, нимфе – тому, что так глубоко разит зрелого мужчину в самое сердце: ЮНОСТИ!!!

Очаровательного наива, неподдельного оптимизма, восторга, радости от предвкушения, и собственно – секса... Да и просто: детской непосредственности!

И пусть всё то, что вот прямо сейчас думает и испытывает эта «пастушка», выражается на лице так, словно она – не Женщина, хитрейшее и опытнейшее существо, научившееся безошибочно управлять более сильным, но и более ранимым существом для добывания денег – мужчиной... А – девочка лет семи.

Расчёт чёртовых учёных и психологов оказался сто, двести-процентно верен! Устоять перед ребёнком с телом взрослой жрицы Любви не сможет ни один представитель мужского пола. Говоря проще – все те, у кого... в штанах!

И сейчас этот друг снова... Зашевелился. Причёска?!..

Олег поспешил отвлечь мозг и воображение, уже вовсю гуляющие по роскошному телу, мысленно прикасаясь и глядя воплощённое совершенство:

– Милая! Я тут подумал... Нужен какой-нибудь завершающий штрих. То, что подчеркнуло бы красоту твоих божественных волос! Какая-нибудь... деталь, как говорят стилисты. Вот. – он протянул руку, вынутую из кармана.

Коробочка словно сама по себе исчезла из ладони. Глаза...

Глаза его девушки так и горели. Предвкушение!

Подарок не подвёл: недаром же заезжал в престижнейший Салон, и почти полчаса потратил на эксперта по украшениям! Брошь с крохотными бусинками настоящих алмазов и огромным, излучающим загадочно-глубокий, насыщенный зелёный свет, изумрудом, действительно отлично смотрелась, когда его зазноба приложила брошь к бело-розовой груди, и вдоволь накрутилась перед зеркалами гигантского трюмо.

– Милый! Ты можешь?!..

– Разумеется, лапочка моя. – он подошёл, взял цепь из мягких ладоней, и поспешил застегнуть замочек. Отступил на шаг. Чтоб выразить удовольствие от того, что подарок подошёл, книга Станиславского не понадобилась!

– Ах! У-у-у!.. Обалдеть! Ну-ка... Милый, не стой как надолба – подай-ка мне вон ту шаль... Нет, вон ту штуку – гипюровую такую!..

Обдумывая, почему шалью его девушка называет длинное тонкое кашне, Олег не смог удержаться, чтоб не проворчать:

– Надолб – мужского пола.

- Что?.. Э-э, кончай. Не будь таким занудой! Ты же меня понял? Ну – как?
- Обалденно. Обалденно.
- Ну и чудненько. Прямо так и тянет кому-нибудь...
- Показать? Похвастать?
- Э-э, хватит! Ты на машине? Заводи!

Прежде чем заводить, всё равно пришлось ждать, пока ослепительному выходному наряду будет придан весь возможный лоск, и на лицо наведён весь полагающийся убийственный «боевой» марафет.

В машине его зазноба сидела даже не откидываясь – чтоб не помять шикарный прикид от Донны Каран. (Хотя «помять» то, что открывало спину почти до... вряд ли было реально, Олег про это ни слова не сказал – уже учёный! Вернее – наученный!..)

Ближе к полуночи, лёжа без сна рядом с тихо и ровно дышащей женщиной, он пытался анализировать.

Не-ет, вовсе не интеллектом брала его партнёрша. Поговорить с ней, конечно, возможно... Но – о чём?! О модных трендах? О последнем платье Лары Расмуссен, которое та надевала на Каннском фестивале? О новых услугах спа-салонов? Где чёртовы самые обычные плоские камешки из карьера, с умным видом именуемые «спецами» релаксантами, якобы помогут придать мягкость коже, и спокойствие – душе? Или накладных волосах – «выглядят как ваши собственные, и с гарантией никогда не упадут с головы!»?

Блинн... Иногда ему казалось, что всё это – напускное. Что на самом деле его коза – расчётливая и холодная внутри, как гигантский айсберг, замёрзший ещё в доледниковую эпоху. А вся эта экзальтация и взлязгивания с неизменными встряхиваниями кистями – не более чем игра. На публику. То бишь – для него... И – окружающих, на свою беду оказавшихся в пределах видимости.

А иногда он думал, что как его угораздило связаться с такой дурой – настоящей лентяйкой и кретиншей, не желающей ни учиться чему бы то ни было, вплоть до банальной способности писать. Ни – хотя бы связно излагать свои мысли вслух... А уж о том, чтобы поддержать разговор, если речь шла не о новых модных тряпках или средствах для ухода за лицом – дохлый номер. Не только словарный запас, но и кругозор оставляли желать: однажды он имел глупость предложить ей «обкатать» новое платье на биенале известного фотографа, а Марина сказала, что терпеть не может классическую музыку.

После этого он про «культурные мероприятия» не заикался. И водил её только в дорогие рестораны: вот там её врождённое обаяние и шарм (без дураков!) сразу приковывали внимание мужской половины человечества, и злобно-завистливые взгляды – лучшей.

Причём Олег отлично понимал, чуял, своим хоть слабо, но всё-таки – развитым чувством эстета, что вовсе не шикарная оболочка – платье и украшения! – этому причина. Не-ет, подлинной причиной несомненно являлся именно вид *самой* партнёрши.

Тело. Лицо. Жесты, походка. Улыбка.

Мелковатые, но очень ровные бисеринки зубов – своих! Пухлые и без всяких там ботексов, чувственные губы – тоже свои. Их Марина не изменяла: он это ощущал при каждом поцелуе. Прямой, не скошенный назад, лоб. Густые и отлично уложенные волосы каждый раз заставляли его вспомнить любимую присказку матери: «как у американской куклы!». Точно. Казалось, они никогда не ложатся на лоб в виде даже чёлки: всегда стоят торчком, зачёсанные назад... Открывая высокий (!) гладкий лоб. Щёки – в меру (!) наруганные. Шея...

О, да – шея и правда: как у чёртовой лебеди!

Ну а дальше – всё, как в псалмах Давида: «Груды твои... Стан твой...». Классика.

Дьявольщина.

Нет: правильной – дьяволица!

Ибо что же ещё может сильнее потрясти, уколоть в сердце, скрутить в бараний рог «эго» мужчины, как не женщина?!

Особенно – грамотно, и по научно-психологическим рекомендациям доработанная этой самой опасной частью Цивилизации – наукой...

Когда двадцать лет назад Консум стал не технологической диковиной, а, пусть дорогой, но – вполне доступной нуворишам и (главное!) их жёнам и подругам – косметологической новинкой, никто поначалу особо не рвался воспользоваться... Особенно – напуганный остервенело-воюющей братией журналюг, подкупленных хозяевами этих самых «кабинетов пластической хирургии». Дескать – и аллергия, и опасность рака, и краткосрочный эффект. Да только втуне пропали все эти старания.

Олег отлично помнил, что вначале на всю шикарную-помпезную Москву был всего один (Да-да! Сейчас-то в это верится с трудом...) элитно-продвинутый салон. Да и тот располагался где-то в Мытищах. И для его работников было праздником, если в день там бывал хоть один клиент.

Теперь же салонов – тринадцать. Процвetaют: что сами здания, что интерьеры кабинетов и коридоров такие, что и офисы больших Банков могут позавидовать.

И очередь расписана на месяцы вперёд. И клиенты сменились клиентками. На одного мужчину, пожелавшего сохранить лицо, или ещё какие (не будем уточнять – какие!) части тела, от физического старения, приходится более двадцати пяти женщин.

Но не все, ох, не все выходят оттуда такими, как его «ласточка».

Ведь не у всех же действительно миловидное и приветливо-открытое от природы лицо. Впрочем, Олег не поручился бы – сохранилось бы такое выражение у Марины, если б она промедлила с операцией ещё хоть год-два... А так – лицо четырнадцатилетней девчущки-подростка, восхитительной в своём детском восприятии мира, сохранено навечно.

Вернее – до физической смерти его обладательницы.

Которая наступит, как вычислили инженеры-косметологи Мытищинского салона – в семьдесят девять лет. Срок жизни прооперированной женщины сократится на шесть-семь лет. (Как и у любого, кто применяет Консум: чем больше площадь, вернее – объём органов и частей тела, нуждающихся в «консервации навечно» – тем больше отнимается от срока самой жизни...) Но похоже, это соображение совсем не смущает тех, кто идёт на операцию. Очевидно, они считают это вполне разумной и приемлемой Ценой за...

Вечную молодость? Панацею, сделавшую ненужными кабинеты косметической хирургии? О-ох, пока не совсем ясно. Потому что изобретателя убили, похоже, в результате банальных разборок из-за денег, а кроме него никто сейчас не в состоянии сказать, чем на самом деле грозит применение Консума. И какие от него могут быть «долговременные» последствия, и побочные эффекты.

Олег скосил глаз: нет, это она просто повернулась, трогательно причмокнув губками... Розово-карминными. Чёрт!

Нет, шансов на то, что он согласится жить с этой зар-разой до её семидесяти девяти – ноль целых, хрен десятых! Да и *никто* не согласится!

Разве что какой-нибудь уж совсем завзятый мазохист-подкаблучник! Мечтающий о ежедневных скандалах, неизменно заканчивающихся членовредительством – в самом лучшем случае это будет расцарапанное лицо. А в худшем...

Трудно даже предположить! Потому что в Сертификате Мытищинского Центра чёрным по белому записано: «...не может нести ответственности за свои внезапные, не спровоцированные внешними причинами, вспышки ярости, или меланхолии». Эту «отмазку» гарантированно учитывает любой суд – на случай претензий. Из-за проявлений. Вспышек. Неконтролируемой ярости.

Когда всё вокруг крушится и ломается, а огромные глаза, кажется, готовы вылезти из своих орбит, и слюна с пеной буквально брызжет изо рта, сопровождаемая ещё и матом, и звериным воем и рычанием!..

Первое время Олег ещё как-то пытался противостоять, удерживая за руки, или прижимая к полу... Какое там!

Сил у его зазнобы в таких случаях словно становилось в десять раз больше, и, он готов был поспорить – окажись поблизости его драгоценный раритетный «Порш», его кузов проломил бы голыми руками!..

Так что теперь он просто спасается бегством.

Нет, разумеется, он знал о таком. Не совсем же дурак: когда его «сняли» возле гипермаркета «Вологодский», попросив с чарующей улыбкой «помочь довести продукты», он сразу после первой «экспромтно-восхитительной» недели не ограничился знакомством с Максом, а озаботился нанять частного детектива. Залез в интернет. Через ещё неделю знал про «дикую штучку» всё, что возможно было узнать, не привлекая к делу архивы КГБ: и про прогуливаемую элитную школу, и про отца-депутата, владельца контрольного пакета акций организации, занимавшейся поставками природного газа за рубеж. И про кобелей-спонсоров, из которых рекордсмен продержался в фаворе «целых» два с половиной месяца. И про «экзотику» в виде пары представителей дипломатического корпуса с черного континента, и одного – из латиноамериканской страны.

И про операцию, сделанную в четырнадцать.

За кадром осталось лишь то, каким образом четырнадцатилетней балованной козе удалось убедить, а затем – и раскрутить папочку на полмиллиона зелёных...

Понял это Олег позже. Сам. Когда увидел фотографию первой, погибшей в автокатастрофе, жены чиновника.

Пожалуй, бедняга не имел шансов. Лицо – один в один...

Сон всё не шёл. Поэтому Олег выбрался из-под простыни, нежно спихнув с себя точёной формы колено, и двинулся на странно крохотную (для элитного-то жилья!) кухню.

Открыл холодильник. Твою мать! Одни йогурты. А, вот, сзади: сок. Ананасный. Сам как-то заказал через доставку на дом. И как это его тоже... С четвёртого этажа.

Он сел на табурет. Налил в стакан.

При взгляде на стакан вернулись отвратительные воспоминания о безобразной сцене в ресторане: когда официант не успел ещё расставить тарелки с едой, а сомелье – предложить вина к мясу, его зазнобе уже не понравилось.

То, как «с пренебрежением» их обслуживают.

– Тебе что, нужно, чтоб все официанты ресторана стояли к нашему столику в очередь, а ты бы только указания раздавала?

– Ну... Да! Чёрт его побери! А почему бы – нет?! Деньги-то – наши?

Олег повернулся к метрдотелю:

– Будьте добры. Потом включите в счёт. Ещё пятерых официантов – для девушки.

– Да, уважаемый господин. Сию минуту.

Правда, присутствие пятерых статных красавцев с застывшими, и словно на века приклеенными, дежурно-приветливыми улыбками на лицах, разозлило Марину ещё сильнее:

– Что за дурдом! Почему они стоят так, что я их не вижу?! Ну-ка, пусть перейдут сюда! – пальчик с кроваво-красным длиннющим ноготком потыкал в места вокруг стола, которые поспешили занять парни со слегка поблёкшими улыбочками: похоже, дотумкали, что эта «почётная миссия» простой и лёгкой не будет! Олег до этого дотумкал ещё в самом первом ресторане, на Измайловском: понял, что не есть сюда приехала его девушка.

А для того самого, что, краснея и бледнея с непривычки и от стыда в первые разы, вынужден раз за разом переживать он: устроить бенефис. Непризнанной, и вынужденной

(Не по своей, разумеется, вине! А в силу... В силу... Словом – непреодолимых обстоятельств!) прозябать в безвестности, Драматической Актрисы. С большой буквы.

Словом – Шоу!

Вот через пару минут оно и началось.

– Проклятье! И это называется – сок! Да его в рот взять невозможно! Кислятина! Он же у вас протух ещё месяц назад!.. – стакан полетел в метрдотеля, а его зазноба оказалась на ногах, с перекошенным от бешенства, но всё равно – очаровательным лицом.

Можно не сомневаться (Олег уже и не оглядывался, как в первые разы): все посетительницы, а особенно – посетители ресторана пялятся сейчас на них!

– Что за хрень! Я-то думала, здесь прилично кормят, а ваша курица по-пекински – просто посыпанный перцем цыплёнок табака! Омерзительно! Это, это...

Олег прервал монолог совершенно неожиданным от него действием и репликой. Он встал, подав Марине руку. Другой сделал приглашающий жест:

– Милая! Прошу: не стесняйся! Залезай на стул, и сразу – на стол! Оттуда тебя будет гораздо лучше слышно! И видно.

Милая глянула на него вначале с настороженным недоверием: похоже, посчитала, что он шутит. Или издевается. Он сохранил очень серьёзную мину на лице. Кивнул.

Решив, что он и правда хочет помочь ей стать лучше слышимой и видимой (ха-ха!), она взялась за руку, и действительно поставила свои ножки тридцать пятого размера на двенадцатисантиметровых шпильках на стул, а затем – и на скатерть:

– Супер! – и, к нему вполголоса: «Ты прав. Так действительно удобней! Чувствую себя – словно птица перед полётом!!!».

После чего откинула головку назад, так, чтоб роскошная шевелюра оказалась за спиной, (Правильно! Нечего ей путаться перед лицом!) и продолжила, вдохнув поглубже:

– Никогда!!! Слышите вы, отождравшиеся ублюдки, – это – официантам, и бедолаге метрдотелю, выпучившему глаза, и что-то бубнящему в переговорник, – Никогда я больше в этот ресторан – ни ногой! Здесь не обслуживание – а х... рня какая-то! Д... мо собачье!

И, обращаясь уже к посетителям, повернувшись по кругу:

– Вы вот тут сидите, а они мало того, ваши деньги ни за что огребают, так и над вами же и ржут как кони: вот, типа, идиоты нетребовательные! Да вы тут все с ума посходили, раз до сих пор не поняли – *нечего* приличным людям тут делать!!! Бегите, пока трамваи ходят! Или пока не отравились какой-нибудь тухлой гадостью! Ну, чего расселись? Валите-валите! Хватит пялиться – шоу вам тут, что ли?! – она сердито топнула точёной ножкой, сжав перед грудью остренькие кулачки, – Тогда деньги платите!!!

К ним подошли подтянутые и предельно собранные четверо секьюрити. Тон старшего предельно же вежлив и корректен, на лице – ни следа улыбки:

– Прошу прощения, леди. Не будет ли вам угодно слезть со стола, и удалиться?.. Или... – он подал ей ладонь, в которую свободно мог бы уместиться лаптоп Олега.

– Или – что, ублюдки чёртовы?!..

– Или мы *вынуждены* будем вызвать полицию. Всё-таки, нарушение норм общественного поведения, непристойная ругань. Которые зафиксировали и камеры наблюдения, – он аккуратно повёл рукой по углам заведения, указывая на горящие красным глазки, – и микрофоны... А нам бы не хотелось создавать столь изысканной и приятной даме...

Проблемы.

«Дама», ещё раз убедившись, что в огромном затемнённом зале с отделкой в стиле Людовика XV стоит гробовая тишина, и все взоры прикованы к ней, царственным жестом опёрлась на руку «культурно подкованного» амбала-холуя:

– Ну ладно. Раз вы ко мне – вежливо, то и я... Соблаговолую. Удалиться.

Олег, раньше покрывавшийся потом, сжимавший зубы и безуспешно пытавшийся предотвратить «бурю в стакане», в процессе таких зубодробительных и предсказуемо-однообразных «самодемонстраций», сейчас относился к скандалам с иронией. Можно сказать – даже получал удовольствие. Потому что – пусть это несколько било по его счёту в банке, зато – вот именно! Какое шоу!

Он бы мог поспорить, что его зазную запомнили все самцы в дорожных костюмах престижнейших фирм, что сидели в «Империале». Запомнили с потаённой мыслью: «Вот бы и мне, хотя бы на время такую... С-сучку! В постели небось – ураган!»

То, что – «ураган», Олег отрицать не мог. Почти постоянно к царапинам на боках и спине добавлялись свежие. Глубокие. Приходилось просить Марию Михайловну до работы, в его кабинете, обрабатывать загноившиеся – Левомиколом. И заклеивать пластырем. Который он предусмотрительно отдирает перед очередным визитом...

На выходе они как обычно обнаружили «делегацию встречающих». И предъявили руководству «Империала» в лице троих отъездившихся представителей среднеазиатских «стран ближнего зарубежья» удостоверение с параграфом о «неконтролируемых вспышках», которое Марина, при всей своей «непосредственности», никогда не забывала класть в косметичку. И кредитную карточку Олега.

После того, как старший в троице, прочтя чётко сформулированное психологом заключение, горестно вздохнул, как бы говоря своим, что через суд взыскать ничего не выгорит, и поднял взор чёрных прищуренных глаз на Олега, тот сказал:

– Мы искренне сожалеем о досадном инциденте. Вы понимаете – непредсказуемая реакция «обработанного» Консумом... Она уже прошла. Я сам отвезу девушку к врачу.

Однако я прошу вас, уважаемые заведующие, компенсировать материальный ущерб вашего уважаемого заведения, отсюда. – он кивнул на карточку в руке явно брата главы «Империала»: похожи, словно два абрикоса. (Если только бывают абрикосы с девятимиллиметровыми пушками в задних карманах.) После чего назвал сумму, примерно равную стоимости новых ливрей. Даже если заказывать их у «Юдашкина и партнёров».

– А если ваша оценка материального ущерба... Не совсем устраивает нас, «уважаемых заведующих»? Не говоря уж о потере нашего реноме... И престижа?

– В таком случае – вот визитка. С вами будет работать мой адвокат.

Три взора обратились к скромной, деловой и без выкрутас, чётко пропечатанной в центре квадрата отлично ламинированного картона, фамилии.

Олег неспроста дал её: его адвоката в Москве не знал разве что пингвин, живущий в зоопарке. Секундного переглядывания азиатов между собой оказалось достаточно, чтоб «уважаемые заведующие» решили, что связываться с *этим* адвокатом не хотят. Ну и правильно: профи, услугами которого всегда пользовалась фирма Олега, легко докажет, что химчистка испачканных соком ливрей, и пара разбитых фужеров и тарелок, обойдутся в куда меньшую, чем названная Олегом, сумму...

А насчёт «потери престижа» – полная чушь. Наоборот – бесплатная реклама! Сюда, в надежде застать повторение «шоу», теперь наверняка ринутся все знакомые клиентов. Да и сами они припрутся... Правда, скорее всё же – с другими партнёрами.

Кредитку вернули буквально через полминуты вместе с чеком, сняв со счёта названное Олегом. Прощались до трогательности вежливо.

Но Олег мог бы поспорить, что теперь секьюрити на входе всегда будут им отвечать, что «мест в зале нет!» Э-э, плевать. Не в первый раз.

Мысли вернулись к... Работе.

(Надо же: он уже может думать и о чём-то *другом*! Привык? Наскучило?)

Нет, скорее всего дело в том, что завтра с утра у него – очередной суд.

Опять адвокат будет чётко излагать параграфы Закона, прямо не запрещающие действия, производимые работниками его Фирмы. И официально разрешающие производство тех устройств, которые они производят... И опять всю ответственность за «приобретение и установку, и несанкционированное изготовителем использование» всего этого безобразия взыскать на предприятие заказчика. И на его руководителя, санкционировавшего эту установку. И несанкционированное (пardon за тавтологию!) использование.

С другой стороны – и правильно. Нечего вести двойную бухгалтерию.

Но.

Если б не она самая, причём – в масштабах всей страны: от Владивостока – до Геленджика! – Фирме Олега осталось бы только склеить ласты, и уйти в небытие. Как те же салоны и кабинеты пластической хирургии после появления Консума...

Олег отлично знал (и адвокат объяснил, и сам поначитался), что такое положение дел выгодно всем.

Предприятие Олега снова останется «чистеньким»: с него – как с гуся вода, раз производство разрешено.

Если честно – не найди спецслужбы Спейсер – и прецедента бы не было! А так...

Предприятие-установщик, *пойманное* на ведении двойной бухгалтерии и несанкционированном использовании стирателей и сэйвера, будет оштрафовано. На достаточно крупную сумму. (Но – три Ха-ха! – вовсе не такую, чтоб компенсировала реальную потерю Государства от этой самой чёрной бухгалтерии!)

А штраф пойдёт в Бюджет того же Государства. С которого все чиновники того же Суда получают зарплату и премиальные.

Так что вроде, беспокоиться не о чем.

Совершенно не о чем.

Тем не менее, подъезжая к обшарпанному зданию Басманного суда, Олег сильнее обычного сжимал руль и кусал изнутри губы (дурацкая привычка детства!). И вовсе не из-за того, что здесь лишь с огромным трудом можно припарковаться. И то – только и жди штрафа на лобовом за неправильную парковку!

До одиннадцати, на которые было назначено слушание их дела, Олег успел переговорить со своим дядей по отцовской линии – тем самым адвокатом, благодаря которому он и понял когда-то, что *этот* бизнес – не только возможен, но и чертовски перспективен... Разумеется, если не давать зацепок следователям и прокурору.

Дядя морщился: сегодня его снова донимала язва – побочный эффект наработанной репутации и квалификации, когда так погружался в работу, что реально переживаешь за своих подопечных: на то, чтоб поесть вовремя, конечно, времени не... Н-да.

В первые годы становления производства и у Олега было точно так же. Однако он язвы не заработал: всегда в кармане носил тюбик с сырной пастой. Предусмотрительно?

Нет: дядька предупредил.

За что ему в очередной раз спасибо.

Собственно, дядька-то с его фирмы поимел. Олег никогда для него на гонорары и даже премиальные – не скупился. Поэтому сейчас слушал вежливо и внимательно:

– ... всё как обычно. Молчи и с умным видом кивай в нужных местах. Всё, что будет необходимо – скажу я. На провокации прокурора не поддавайся. Говори: «По всем вопросам – обращайтесь к моему адвокату!» Задача ясна?

– Ясна, Борис Фёдорович.

Хотя какой, к...ерам, Борис Фёдорович? Олег отлично знал, что настоящее имя дядьки – Варавва Иосифович. Но в визитке для всех значилось: Либерман Б. Ф.

– Прошу встать. Суд идёт.

Комедия началась:

– ... а вы знали, что единственной целью, для которой могут служить такие устройства как раз и является – уничтожение настоящих, указывающих подлинный доход предприятия, и могущих служить доказательством преступной деятельности означенных директора и главбуха, документов: ведомостей и накладных?

– Разумеется, нет! Откуда мой клиент мог знать, для каких конкретно целей предприятие ответчиков собирается использовать выпускаемый им аппарат? Вот: в инструкции по эксплуатации чётко записано: «Для принудительного аварийного стирания файлов, поражённых вирусами, или изоляции материнских флэш-носителей, могущих повредить работе компьютера.» То есть, применение таких устройств – это обычная практика работы программистов-ремонтников, занимающихся профилактикой или ремонтом материнской, установленной на заводе-производителе, встроенной памяти стационарных компьютеров.

И, разумеется, то, что эти устройства могут быть использованы для противоправных действий – не может не быть известно моему клиенту.

Так же, как, например, и вам, уважаемый господин Прокурор, не может не быть известно, что обычным кухонным ножом можно отлично зарезать человека. Но никто же не запрещает из-за одного только существования такой возможности, продавать и использовать для, скажем, нарезания хлеба или помидоров, кухонных ножей?

То, что продукция моего подзащитного находит сбыт и востребована, говорит ему лишь о том, что потребитель её применяет.

И если Вы внимательно прочтёте ту же Инструкцию, отлично увидите на первой же странице предупреждение, напечатанное крупными красными буквами: «Производитель не может нести ответственность за незаконное, или не предусмотренное настоящей Инструкцией, использование данного устройства потребителем».

– Однако все отлично знают, что именно специалистами фирмы вашего подзащитного и производится именно такая, противозаконная, установка данных устройств!

– Выражаю протест! – Борис Фёдорович повернул пышущий справедливым возмущением взор к Председателю, – Я прошу занести в Протокол, что сторона обвинения прибегает к пока ничем не доказанным демагогическим заявлениям, оскорбляющими честную репутацию как фирмы моего подзащитного, так и его лично!

То, что его адвокат может и любит иногда играть на публику, как знаменитый Гарднеровский Перри Мейсон, Олег понял давно. Ну вот – обожает Борис Фёдорович встать в красивую позу, и чуть повысит свой бархатный голос с отличной дикцией (зря что ли, брал, как однажды признался, уроки сценического мастерства!..)

Председатель, увядшего вида пожилая и сутулая желчная девушка по фамилии Варнакова, не первый раз ведущая дело против Олега и его фирмы, хмуро кивнула:

– Протест принят. Секретарь, отметьте в протоколе. (А ещё бы не принять! Ещё ни разу, как бы ни пузырился чёртов Прокурор Петренко, ему не удалось доказать как раз *это*. Что спецы Олега устанавливают стиратель только для того, чтобы... Стереть! А спейсер – для того, чтоб спасти то, что хорошо бы всё-таки иметь в архивах...)

Борис Фёдорович продолжил словно с того же места, где остановился:

– Установка устройств, как абсолютно верно отметил уважаемый господин Прокурор, и правда – производится специалистами фирмы моего подзащитного. Однако!

Никто из них никогда не интересуется, *каким именно* способом собирается использовать это устройство клиент! Потому что это – чётко прописано в Инструкции! Точка!

Ещё хочу отметить, что персонал фирмы моего подзащитного – исключительно компетентен и профессионален. Они делают всё именно так, как написано в утверждённой соответствующими Органами, Инструкцией. Обратите внимание на подпункт пять-два! Там однозначно прописано: «Если клиент использует устройство для целей, не обозначенных как

основные для устройства фирмой-производителем, вся ответственность за возможные противоправные действия ложится на клиента.»

– Но ведь ваш клиент не может не понимать, что вероятнее всего именно противоправное использование будет производиться в первую очередь!

– Я просил бы уважаемого господина Прокурора опираться на факты. Домыслы о том, что может, а что не может не понимать мой клиент – не являются ни фактом, ни аргументом. Мой клиент, как я уже неоднократно заявлял – простой производитель. Как, скажем, и директор предприятия, производящего всё те же автомобили. Вы же не привлекаете такого к суду каждый раз, когда какой-нибудь пьяный идиот врежется в бетонную стену? Или жена клиента прищемит пальчик дверью? Или – наркоторговец решит провезти партию наркоты – в запасном колесе?

Олег понимал, разумеется, такие образные сравнения, применяемые в седьмой, если не в десятый раз, несколько теряют свою убедительность и силу, но – аналогия уместна. Это понимала и судья.

– Достаточно. Если у обвинения больше нет фактов, перейдём к обсуждению. – судья, помогая себе упёртыми в стол руками, с кривоватой не то улыбкой, не то – гримасой боли (у неё, как знал Олег – деформирующий артроз обеих коленей) поднялась, чтоб удалиться в комнату для совещаний.

– Прошу всех встать. Суд удаляется на совещание.

В зале загудели, зашаркали подошвами. Но не сильно: в небольшом помещении было не больше двух десятков человек. Как обычно: на дела *не* о смертоубийстве не заманишь ни посторонних людей, ни корреспондентов, ищущих сенсаций: здесь таких не бывает. Только свои. То есть – представители фирм-конкурентов, желающие знать, не пострадает ли их бизнес. Да пара пенсионеров, у которых, возможно, поломались телевизоры. Но на «арест прямо в зале суда» здесь рассчитывать не приходится.

Уж больно недвусмысленно составлены параграфы Законодательства...

– Ну, наше дело правое, и мы победим, – адвокат, сидящий слева, подмигнул Олегу. Тот покивал: а то!..

На работу приехал лишь в четвёртом часу: Бориса Фёдоровича, как обычно, ещё и угощал в одном из лучших ресторанов (Слава Богу – туда ещё не успел навеститься с Мариной! И – никогда не навещается!). Борис Фёдорович, подобревший и раскрасневшийся после четырёх рюмок настоящего старинного армянского коньяка, паштета из гусиной печёнки (его любимое лакомство!), и ста граммов настоящей чёрной икры, (не какая-то там подделка – а с гарантией!) плотоядно ухмылялся:

– Поскольку прецедентов только с тобой набирается уже с десяток, предполагаю, что рано или поздно наступит момент, когда тебя, Владимира Петровича, Вахтанга, и вам подобных «производителей», будут вызывать только как свидетелей.

– Ох, скорее бы!.. – Олег не скрывал иронии, – Пока, правда, не слишком похоже. Кстати: давно хотел спросить. Если мы всегда выигрываем, и притянуть нас ни по одной статье не удаётся... Какого... я они всю эту хрень с исками продолжают?!

– Ну, мало ли... Может, надеются, что рано или поздно у кого-нибудь из нас, честных предпринимателей, сдадут нервы, и мы брякнем какую-нибудь глупость, которая позволит вцепиться в нас, как клещ в ухо собаки... И сосать, сосать... Вон, как получилось у Толяна. – как «получилось у Толяна», Олег отлично знал. Действительно, поскупердяничал на адвоката (хотел, баран неподкованный, сэкономить!), да брякнул сгоряча *такое*...

Штраф наложили такой, что пришлось продать квартиру на садовом кольце, а предприятие так и вообще – прикрыли, как «выпускающее противозаконную продукцию». Так что при-

шло открываться под новым названием, и над формулировочками «Руководства по эксплуатации» и Инструкцией подумать получше.

Заметив, что собеседник перестал жевать, и мрачно уставился в белую скатерть, Борис Фёдорович хмыкнул:

– Не волнуйся, Олег! Пока я жив, и пока (тьфу-тьфу!) Законодательство не изуродуют поправками – можешь смело работать!..

Смело-то оно, конечно, смело...

Иногда Олег и правда – подумывал, как бы сменить профиль предприятия. Пока гады из законодательного Комитета, вечно чего-нибудь изобретающие против простого народа и частного предпринимательства, и правда – не изуродовали. Поправками.

В приёмной с несколько сердитым видом сидела за своим столом Мария Михайловна, и с несколько обиженным – новая секретарша. (О! Уже вспомнил, как ту зовут: Алина!) Капризно надутые чувственные губки, конечно, слегка подправлены ботексом...

Но – не настолько же!

– Добрый день, Мария Михайловна, добрый день, Алина. – и к секретарю, – Мария Михайловна. Что-либо срочное? – о, чёрт! Только сейчас вспомнил, что надо включить звук на звонки в мобильнике.

– Нет, Олег Анатольевич, ничего. Обычная текучка. К пяти подойдёт Главный инженер – обсудить рабочие моменты, как он выразился.

– Отлично. Прошу вас занести почту, когда я освобожусь. – он выразительно посмотрел на секретаря. А затем на секретаршу.

Капризно надутые губки чуть растянулись в победной (но – не слишком!) усмешке. Заломленная бровь, когда Алина кинула небрежный взгляд на Марию Михайловну, сказала Олегу, что, похоже, очередная неопитка опять качала права.

Что-то рано начала. Копают? Посмотрим. Если что – снова придётся объявлять конкурс на замещение вакантной непыльной должности с отличным окладом...

Встала и прошла в его кабинет Алина без дополнительного приглашения: Олег, открывший дверь, галантно придержал её. Заодно и «оценил» достоинства её фигуры сзади.

А ничего себе достоинства: да и по походке, уверенной и грациозной на шпильках в одиннадцатый сэмэ, видно, что его нынешняя коза имеет кое-какой опыт. Работы.

Пока чувственный рот занимался «отработкой» зарплаты, Олег, не без удовольствия снова запустивший пальцы в пышные шелковистые волосы, думал.

Вот: его новая секретарша. Явно не так состоятельна, как Марина. И не пользуется поэтому, или по каким-нибудь другим причинам, ведомым только ей, ничем из усиливающего, иногда до гротеска, «женственное начало» из арсенала состоятельных и...

Глупых. Потому что сейчас-то, спустя более полувека применения – что грудных имплантов, что золотых нитей, что подтяжек лица и масок из псевдожемчуга, со всей этой «проверенной» годами технологией, ясно одно.

Ничто не будет действовать вечно.

Сиськи, в которые вставили силиконовые мешочки – со временем отвиснут до пупа. Золотые нити не сдержат обвисание складок от дряблой кожи. Никакие «питательные» маски кожу на этом самом лице не омолодят. И даже не поддержат в стабильном состоянии цветущего возраста... Подтяжки на подтяжках рано или поздно приведут к тому, что лицо превратится в пергамент, облегающий кости черепа. Бр-р-р!..

Нет, разумеется, лицо у Алины приятное. Видно, что девушке лет тридцать, и она чётко знает, чего хочет. А, собственно, того же, что и все существа женского пола сейчас.

НЕ РАБОТАТЬ!!!

Найти какого-нибудь идиота-спонсора, осесть дома, принимать этого кобелину, не вылезая из квартиры, на гигантском и удобном сексодроме – пусть и сдерживая гримасы отвраще-

ния или раздражения, особенно, если спонсор – обычный старый, похотливый и состоятельный, козёл. . . И никогда не заморачиваться ни стиркой, ни уборкой: для этого можно буквально за гроши нанять таких же, как хозяйка квартиры, но. . .

Постаревших. Безработных. «Проколовшихся» на высказывании своих подлинных чувств к Содержателю. . . Н-да. Или уже просто – вышедших в тираж. При этом не успев отложить достаточно на безбедную старость. . . Таким остаётся уповать только на пособие по возрасту – две минималки.

Почувствовав приближение пика, Олег откинул голову. Постарался выбросить лишние мысли из головы – они сильно мешают! Вот! Да, да! Так, чёртова кукла!!!.

Отлично.

Она не без торжества взглянула прямо с колен ему в лицо. Он кивнул:

– Отличная работа, госпожа секретарша. Если будете продолжать *так* обеспечивать производительность шефа, он выпишет вам премиальные.

На сегодня свободны. Не смею задерживать. Кстати – подъёмные получили?

– Да. – в невнятном голосе (Ещё бы! Попробовала бы она плюнуть *не* в туалете!) слышно и удовлетворение и разочарование. Что он её «не задерживает». Похоже, женщина начинает понимать, что её «непосредственность», не изуродованная искусственными усилителями, как и профессионализм в «снятии стресса», не слишком-то впечатлили нового босса. И радоваться рано. Ей ещё предстоит «продолжать в таком же духе».

Он просто кивнул ещё раз.

Алина поднялась с колен, привела в порядок его брюки, затем изящные ладошки не без кокетства, и явно отработанными движениями одёрнули юбочку, собственно, и так мало чего прикрывавшую, и женщина вышла. Не оборачиваясь.

Мария Михайловна вошла.

Олег уже придвинулся к столу, и указал на стул возле себя, протянув руку за пачкой писем:

– Прошу, Мария Михайловна. – после чего привычно ткнул кнопочку глушилок.

Секретарь достала блокнот для стенографирования, и обычную шариковую ручку. Олег знал, что после того, как она перепечатает с черновика надиктованные ответы, черновики женщина вырвет и сожжёт – в поддоне, стоящем для этой цели в крошечном туалете при приёмной. Этот, и другие профессиональные навыки и традиции и служили гарантией того, что ей-то за своё место опасаться не надо.

Во всяком случае до тех пор, пока на место Босса не сядет кто-то другой. . .

Главный инженер интересовался в основном деталями сворачивания линии производства старого устройства, и сроками, и закупкой оборудования для запуска нового. Действительно – рабочие вопросы. Олег, если в некоторых организационных частностях не слишком хорошо разбирался, обычно оставлял это на усмотрение своих спецов. Так и на этот раз, у главного почти всё было готово, и Олегу пришлось внести лишь несколько несущественных поправок – в основном они касались сроков и объёмов производства.

Марина позвонила когда они уже закончили, и его «официальный» рабочий день завершился.

– Милый! Фу! Я на тебя обиделась! Ты даже не разбудил меня, чтобы чмокнуть на прощание!

– Не хотел вот именно – будить. У тебя во сне такое милое, очаровательно-счастливое выражение. . . Ну как можно мою лапочку разбудить, чтоб сказать то, что она и так знает: что мне надо на работу! – при телефонном разговоре он вполне осознанно подпускал, стараясь лишь не перебарщивать, медоточивости и сентиментальности в голос (спасибо Станислав-

скому!), так как считал, что делать это при встрече визави, чтоб уж и выражение лица соответствовало – куда трудней.

– У-у-у... – он чувствовал по тону, что комплимент пришёлся в цель, и на него не сердятся. Собственно, на него пока и так – наверняка не сердятся. Потому что кулончик всё ещё надет на шею – Марина не хотела расставаться с новой побрякушкой даже ложась в постель.

И уж тогда Олег действительно сильно опасался за прочность цепочки: нагрузки в... э-э... Процессе – иногда приходилось выдерживать пиковые! Но – выдержала. Недаром же с титановой основой.

– Ладно. Считай, что ты прощён. Сегодня – во сколько?

– Подъеду к восьми. И вот ещё что. Я сегодня очень устал, (неправда) и совсем изнервничался в суде. (неправда) Все эти судьи, прокуроры... Достали. (Правда!) Давай сегодня никуда не пойдём? А просто закажем всё на дом?

– Ну-у-у... – тон совсем другой. Его зазноба явно разочарована, что не удастся в очередной раз «развеемся», – Ладно. Я закажу. К восьми. Ты точно – успеешь?

– Точно, моё солнышко. Успею.

Успел.

Даже полчасика полежал в своём рабочем «туалетном блоке», где имелась и обычная армейская походная койка – реликт, оставшийся от тех времён, когда они с Палычем и Васей работали сутками, не переживая за язву желудка, нервное перенапряжение, истощение до состояния полускелета, или поседение волос. И считая регулярные авралы необходимым условием «успешного продвижения товара на рынок»...

Марина встречала его в ослепительном неглиже: фиолетовый комбидресс с кружавчиками и пышная причёска подействовали как обычно:

– Успеем?

– Успеем!

Хорошо что Олег сразу, как вошёл, положил деньги за заказ у входной двери: как чувствовал, что отсчитывать будет некогда. И точно.

Когда в домофоне на вопрос: «Кто там?» прозвучало: «Доставка!», оказалось достаточно ткнуть в кнопку дистанционного управления замками, и продолжить «ознакомление» с достопримечательностями прелестницы-амазонки, как он называл её в те разы, когда она изъявляла желание побывать в позе повелительницы-укротительницы...

Сегодня Олег неспроста воспользовался услугами секретарши-референта. Он хотел наконец поглядеть, можно ли добиться от его зазнобы – действительного её оргазма.

Он-то отлично понимал по здравом размышлении, кое-что сопоставляя сам, и учитывая сведения, полученные от частного сыщика, что она – профи.

И поэтому те оргазмы, которые она старательно симулирует при его пике, вот именно – старательно, и профессионально грамотно симулированные. А что: вполне разумно. Чтоб «клиент» думал, что ему сильно повезло, и он «нашёл наконец ту, что гармонично подходит ему в постели...». И оплачивал «эксплуатацию» устройства под названием «Марина» подольше... Пока, наконец, это хитро... опое «устройство» не раскусит.

Или оно не выдоит с него уж слишком много.

Или «устройство» своим поведением, или злобной отповедью прямо в лицо не даст понять, что – затрахал! В смысле – надоел.

Олег повидал достаточно «казноб».

К чему лицемерие: состоятельные «клиенты», которых в столице достаточно, могли позволить себе «беспорядочные половые связи» без каких-либо взятых на себя обязательств. Он не знал, да, собственно, и не интересовался, когда и как сформировался такой стиль отноше-

ний, когда *красивая* женщина – игрушка, продукт, товар и предмет роскоши для состоятельных мужчин.

Всё имеет цену – в том числе и красота. Будь то натуральная. Или созданная искусственно – умелыми руками наноинженеров салонов Консума. Спа-салонов. Или даже банального тренажёрного зала – который *стоит* сейчас, ох, немало...

А вот та женщина, что не выделяется броской внешностью, или не имеет источников, позволивших бы преобразить в лучшую сторону свои внешние, «товарные» данные, может рассчитывать только на положение жены при каком-нибудь заштатном сереньком инженере, водителе, фермере, или простом заводском работяге.

Но то, что такое положение *устраивает* и его, и тысячи «избранных» нуворишей, он отлично понимал. Это – составная часть полученных с богатством привилегий. Бонусов. Льгот. Назовите, как хотите, но это – не цинизм. А констатация факта.

Именно для получения таких дорогих игрушек, (да и других: например, виллы на лазурном берегу, счёта в швейцарском банке, «Порша», и шикарной квартиры в центре Москвы) в том числе и работал он, как наскипидаренный ишак, все эти долгие девятнадцать лет, пока его фирма осваивала производство *качественных* сэйверов, и добивалась доверия клиентов.

Эти и другие мысли иногда он вполне сознательно впускал в своё сознание, продолжая, и продлевая то, что делал обычно за каких-то пятнадцать-двадцать минут.

Занимался любовью.

И сегодня он знал: то, что он три часа назад «расслабился», позволит ему увеличить время «занятий» более чем вдвое: посмотрим, милая, что ты запоёшь!

Милая явственно начала проявлять признаки беспокойства минут через двадцать после того, как ушёл доставщик.

Она с подозрением поглядывала на лицо Олега, очевидно пытаясь определить, когда тот будет «готов».

Он зарычал, вышел, и развернул её в такое положение, что глядеть ему в глаза – ну никак не получалось! Стоя на коленях, и упираясь головкой с разметавшимися волосами в резную спинку, не больно-то поглядываешься!

Милая начала стонать. Затем – извиваться. Значит – надо наддать!..

Когда, наконец, через ещё десять минут (он специально поглядывал на настенные часы – знал, что так, снова отвлекаясь, ещё задерживает свой пик!), женщина заорала в голос, и дикие конвульсии сотрясли её тело, он потянул на себя роскошные ягодицы, вцепившись в них так, что тело под пальцами побелело, ещё сильнее, зарычал, и...

О-о!..

Вдох-выдох из их разгорячённых лёгких наконец совпал.

Он позволил рукам расслабиться, потянул тело женщины ещё к себе – чтоб смогла лечь. Конвульсии у Марины не проходили добрую минуту.

И он мог рассмотреть лицо.

Такое лицо, которое бывает у полностью удовлетворённой женщины.

Хм-м-м...

Не-ет, тут – что-то другое. Хищный оскал ровненьких белых зубов и вдруг обозначившиеся цинично-сластолюбивые складочки вокруг рта сказали ему, что его девушка вовсе не так «наивна» и «чиста», как хочет обычно, чтоб про неё думали.

Нет. Она – явно куда сложнее. Расчётлива? Да. Наивна? Нет. Но...

Опасно показывать ей, что он её «вычислил». Можно... И без глаз остаться.

Поэтому он прекратил изучать сейчас, когда пик содроганий прошёл, почти вернувшееся к обычному состоянию умиротворённой кошечки, лицо, и быстро лёг рядом на постель. Постаравшись оказаться за спиной девушки, повернувшейся к нему самой выдающейся частью спины. Которую делила пополам пикантная впадинка...

Теперь вместо стонов и воплей изо рта его зазнобы вырвался один – зато долгий и тихий! – стон. Впрочем, лежала она с закрытыми глазами недолго.

– Милый!.. Тебе хочется есть?

– Ну... – он знал, что прямо вот так, сразу, встать и идти кушать, – нельзя. Как бы голоден не был.

Однажды уже обжёгся: «Ага! Так тебе жарка важнее, чем ласки бедной влюблённой женщины?!» После чего – слёзы, вопли, и очередной... Скандал.

Впрочем, ему – не привыкать. За последний месяц (он специально считал!) состоялось пять больших, если можно их так назвать, с выкриками вроде «Никогда я не вернусь!», и ещё четыре малых – когда «бурю в стакане» удавалось приглушить на месте. С помощью доставки на дом: то понравившегося накануне платья, то – чёрной икры с шампанским, то – просто очередного украшения: серёжек с настоящим жемчугом и кольца с рубином (тоже, разумеется, настоящим, а не каким-нибудь – «выращенным»!)

Поэтому «пойти перекусить» он согласился только через минут десять стонов о том, что «измочалила, как грушу», и «уговариваний». «Милая» пошла сервировать стол. (Хотя чего его сервировать – достаточно расставить привезённое, и дать вилки-ложки.)

Моясь в душе, Олег дорассортировывал факты.

То, что его зазноба сделала операцию по удалению клитора, ему доложил нанятый детектив. И то, что произошло это ещё одиннадцать лет назад, то есть – ещё до смерти отца, говорило лишь об одном: его солнышко планировало вести именно такой образ жизни чуть ли не с детских лет. Разумеется, негритянки такую операцию делают ещё в молодости – иначе они просто не выдерживали бы напора и выносливости своих жеребцов. Отличавшихся к тому же и большим размером этого самого. Достоинства.

Но то, что она сама не сможет теперь получать полного «релакса» от секса – похоже его расчётливо-хитрозадую зазнобу волновало меньше всего. Ей нужно было только создать у клиента впечатление, что они – вот именно: «гармонично подходят друг другу в постели!» Она так и говорила: «Ах! Это просто чудо какое-то – что мы так идеально подходим! Прямо – созданы друг для друга! Полная гармонь, как говорится!»

Конечно, лучше понимать ситуацию он стал, когда его детектив принёс список *бумажных* книг, которые за последние двадцать лет заказала с доставкой его лапочка. То есть – она всегда хотела иметь их под рукой. «Совершенствование женской сексуальной энергии» шло чуть не первой. А там – методика упражнений, делающих стенки вагины мускулистыми, и способными, следовательно, подстроиться и создать максимально «приятные» условия для любого... уя. И эта самая методика наверняка Мариной освоена в совершенстве. Как и всё остальное, что может усилить кайф у партнёра. А он...

Блин. Себе-то самому он мог признаться: в первый... да и во второй раз – купился.

Купился, купился.

Подозрения, что всё не так просто, появились у него только где-то на вторую неделю – когда их пики, несмотря на очень разное время собственно «процесса», как-то уж слишком хорошо совпадали... Недоработка с её стороны?

Вряд ли. Скорее, как инстинктивный психолог, каковыми в силу природных способностей и являются *все* женщины, она рассчитывала на то, что в экстазе пика её партнёру будет не до сексопаталогических изысканий, и, уж тем более – раздумий...

Чёрт её возьми. Оно и верно, конечно. Олег знал, понимал, что большинство тех, кто был у Марины до него, могли и не обратить на это внимание. Ну как же: знаменитое мужское самолюбие! Так приятно тешить его мыслью, что ты – призовой кобель. И любая женщина от тебя – кричит и стонет. Бьётся в экстазе, царапается, визжит... Словно не отдавая себе отчёт в своих действиях.

Только вот уж очень однообразно Марина кричит и стонет: набор приёмчиков по извинению, содроганиям, и воплям стоило бы иногда разнообразить! Иначе подсознание партнёра начинает мигать красной лампочкой: «дурят нашего брата!».

Он вышел к ужину, лишь замотав чресла в полотенце. Ну и правильно: зачем эта лишняя возня с трусами или бриджами? Вряд ли они досидят до конца ужина.

Ан – нет!

Ошибочка вышла.

Партнёрша что-то не торопилась сегодня быстро-быстро прикончить все те восхитительные деликатесы, что громоздились на немаленьком кухонном столе, и сгрести все тарелки с этого самого стола – как у них уже пару раз бывало. Чтоб утолить якобы «внезапно вспыхнувшую страсть» прямо тут же...

Как же, внезапно.

Сейчас, спустя месяц знакомства, он уже отлично разобрался в мимике кукольно-детского, гротескно миловидного лица. И всего остального.

Знал, куда смотреть, и что отслеживать.

Например, когда вот так, как сейчас подрагивают колени, можно сказать с уверенностью: его зазноба действительно утомлена – такое было, когда они пешком обошли все семь этажей «Эскориала», потратив на это три часа. (Ничего, кстати, «подходящего», так и не приобрели! И пришлось ему на следующий день везти ласточку в «Гонолулу». А тогда он до машины чуть ли не нёс её на руках – «все ноги отходила!».)

И ещё подозрительно, что она всё время смотрит себе на трусики, и поводит ляжками – словно он растёр ей там всё на ...ер, и ей больно?! Некомфортно?

Чёрт возьми! А, может, так и есть?! О-о! Возможно, тогда сегодня не придётся «отрабатывать» по второй! Потому что она-то знает: «по-второй» у него – гораздо дольше! И «сви-репей!». Зря, что ли, он принимает «Озверин»? («Озверин! Выпейте, и ваша девушка будет стонать и кричать!»)

Ужин прошёл как-то на удивление спокойно. Они если и переглядывались, то только нежно. Без обычных подмигиваний, и поглаживаний точённой крохотной ступнёй под столом его икр, ляжек, и того, что повыше...

Ну, значит, точно – можно будет выспаться.

Он угадал.

Выспаться удалось. Потому что сославшись на лёгкую мигрень, его солнышко смогло наконец зайти в ванную, которую он обычно оккупировал первым.

Что она там делала, и почему её не было добрых полчаса, Олег знать не мог. Но мог догадаться: её же, пусть отлично обученную и тренированную, но незащищённую, плоть, не страховал презерватив! (Хе-хе!..) Поэтому к моменту её появления из комнаты, отделанной небесно-голубым кафелем, вполне успешно притворялся спящим.

И – вот уж чудо! – его даже не стали тормозить для повторных «процедур».

Значит, сработал его план.

Утром он сквозь полуприкрытые веки пронаблюдал, как Марина снова закрылась в ванной. Но на этот раз он «проснулся» к её возвращению:

– О! Дорогая! Ты уже встала?!

Ему было интересно наблюдать за микромимикой её лица: вот уж кто никогда не врёт, в полном соответствии со старым фильмом «Солги мне», так это – рефлекторные микросокращения лицевых мышц (даром, что ли их там – под двести...). Он слышал, что сейчас не только сотрудники ФБР, но и банальные работники Московской Прокуратуры, и следователи, прохо-

дят этот курс. И запись ярко освещённого лица допрашиваемого ведётся с восьми точек. Очень помогает, говорят... Иногда даже детектор лжи не нужен!

Ну так вот: на лице впервые проскользнуло нечто вроде опасения.

Может, она *боится*?! Боится, что сейчас он полезет?

Ладно – он же не садюга какой. Он не полезет:

– У нас там осталось хоть что-нибудь на завтрак?

– О, да. Еды – море. Тебе в постель подать, кобелина призовой, или ты в состоянии сам встать на ноги после вчерашнего?

– В состоянии. Надеюсь. – он усмехнулся, – Да и зубы... Почистить бы надо... – он сделал вид, что чешет в затылке, – А что? Вчера у нас было что-то... Особенное?

– Он ещё спрашивает! Не-ет, милый, вчера было – не особенное. А – суперособенное! Ты чего так разошёлся-то? Я уж думала – спинка отвалится на фиг! Или я в ней затылком дыру пробью!..

Он позволил себе довольно, словно котяра, поимевший по весне всех кошечек района, поусмехаться:

– Ха-ха... Ну уж в этом-то виноват, всё-таки, наверное, не я. А тот, кто *так* себя подал, вот – прямо *так*!.. Что устоять не было ну никакой!..

– Свинья развратная! – она, похоже, играла именно обиженную. Губки надулись, и лицо побледнело. А, может, и не играла?! – Тебе бы только до моей кошечки добратся! А я-то, я-то? За какие шиши должна терпеть все эти издевательства?!

– Ну, милая! Ты же знаешь, за какие шиши! Давай сегодня поедem в «Ренессанс». Вдруг ты там как раз что-нибудь из красивых и модных «шишей» и подберёшь?

На это вполне, вроде, обычное предложение долгое время ему ничего не отвечали. Марина смотрела почему-то в окно.

Затем всё же покивала. Правда, без обычного энтузиазма:

– Вот умеешь же ты уговорить девушку! Гад обаятельный!

Ладно – одевайся. Я тоже... Сейчас оденусь, и двинем!

Он спокойно успел побриться, вымыться ещё раз, позавтракать и одеться, прежде чем «ласточка» соизволила объявить, что «теперь ей не стыдно показаться на глаза людям». Он оглядел «упакованную»: с миниатюрных ступней до пышной причёски.

Обалдеть! Сколько не повторяй – от этого неправдой оно не станет!

Вот уж если что и есть у его партнёрши, так это – «убойный товарный вид»!

«Ренессанс», самый большой гипермаркет её района, они уже посещали примерно две недели назад. Тогда Марина успела нахамить всего двум продавщицам – в отделе нижнего белья, и в отделе косметики. Так что будем надеяться, войти им разрешат.

Подъехали и припарковались с трудом: суббота, всё-таки. Народ жаждет затариться – и продуктами и товарами.

Продуктами – на неделю. Товарами – как позволит зарплата...

Олег, за время поездки успевший отправить две эсмэски, дверцу «Порша» запер: мало ли. Видеокамеры видеокамерами, и секьюрити, конечно, тоже есть... Но спереть магнитоле может и маленький незаметный подросток в адаптивном камуфляже: поскольку администрация отвечает только за угонщиков. Ну, в принципе, тоже правильно: с современными умельцами, которые могут, например, «Тойоту-корвет» разобрать на запчасти за восемнадцать минут, и которых сейчас развелось почему-то море, не говоря уж о тысяче частных автомастерских за четвёртым транспортным, куда всё это и попадает, шутить не приходится.

Иногда Олег думал, что замок, реагирующий на отпечаток пальца, уже недостаточно гарантирует... Э-э, ладно: они с девушкой двинули к лифту.

Осмотр, как и в прошлый раз, начали с отдела нижнего белья.

При виде лучезарной улыбки на лице его дамы, продавщица на кассе быстро сунула руку под стол, и явно что-то там нажала. Из служебного помещения почти мгновенно вырулили две матроны лет по сорок: предельно собранные, со сдержанно-деловыми улыбками на лице:

– Здравствуйте. Добро пожаловать в наш отдел. Чем мы можем вам помочь?

Олег, внутренне посмеиваясь, готов был поспорить: его даму наверняка узнали по фото. Сделанным в момент разгара «шоу», которое она устроила здесь – стринги ей, понимаешь ли, натирают! Что и непримянула показать, выйдя из примерочной прямо в отдел, и шокируя (сильно) мужчин, оказавшихся в пределах видимости, и нервируя (ещё сильнее!) остальных женщин, оказавшихся при этих самых мужчинах, и продавщиц.

Работники же секьюрити, наблюдавшие за происходящим через контрольные мониторы, наверняка видывали и не такое. Двое пришедших к ним во время первого скандалчика (всё же совсем скандалом его и назвать-то... Язык не поворачивается. Особенно – в сравнении.) так и не подошли тогда: скромно наблюдали из-за колонны: вдруг шоу перейдёт в активную фазу...

Тогда – не перешло. Но парочку секьюрити Олег уже обнаружил: вон, стоят. Бдят. Из-за той же колонны. Может, удастся «уговорить» Марину и правда – показать им?! То, что она в прошлый раз показала продавщицам – свою, отлично выбритую, ту самую штучку, которую «натирало»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.